

МАТЕРИАЛЫ ПО ЯФЕТИЧЕСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ. XI.

Н. МАРР

ЯФЕТИЧЕСКИЙ КАВКАЗ

И

ТРЕТИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СОЗИДАНИИ
СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1920

Л Е Й П Ц И Г

УТ 11)

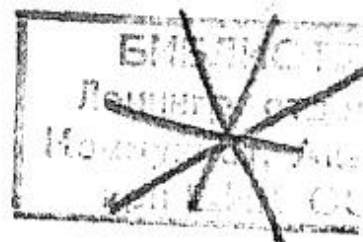
МАТЕРИАЛЫ ПО ЯФЕТИЧЕСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ. XI.

Н. МАРР

ЯФЕТИЧЕСКИЙ КАВКАЗ

И

ТРЕТИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СОЗИДАНИИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1 9 2 0

Л Е Й П Ц И Г

EV_1920_VAN_2AK00000633

Печатается по определению Отделения Исторических Наук и Филологии Российской Академии Наук.

Непременный секретарь

С. Ольденбург.

Предисловие

Настоящий доклад был прочитан 9 июня текущего года на публичном ученом собрании Российской Академии Истории Материальной Культуры, учрежденной в Петрограде в 1919 г. взамен упраздненной Археологической Комиссии. Естественно, потому оставлена в неприкосновенности и заключительная часть, имевшая специальное, казалось бы, преходящее значение в момент организации работ учено-исследовательского учреждения, председателем которого я имел честь состоять до выезда за границу. Несмотря на несомненное отношение излагаемых в ней мыслей к археологии и этнологической и культурно-исторической, работа в целом, построенная на результатах лингвистических изысканий, на давних коренных языках кавказского края, органически связана с руководившимися мною предприятиями Российской Академии Наук по кавказоведению и просилась в один из выпусков издаваемых ею «Материалов по яфетическому языкознанию», на что и было испрошено одобрение Академии Наук. В сложных условиях выезда, со спешностью в настоящем и неизвестностью в предстоящем, мне не удалось захватить с собой материалов, которые дали бы возможность придать изданию требуемую внешность выпуска названной серии. Надеюсь на снисходительное к этому невольному недочету отношение как Академии Наук, так и заведующего ее издательством Непременного Секретаря академика С. Ф. Ольденбурга.

О недочетах доклада по существу говорить не приходится. Обнаружение работы такого характера, как настоящий доклад, или не происходит вовсе или осуществляется с заведомыми и для автора дефектами. Больше приходится сожалеть, что не печатались раньше работы обобщающего характера по яфетическому языкознанию. Еще больше приходится сожалеть, с точки зрения интересов правильного восприятия наших положений, о том, что читателю, вероятно, вовсе неизвестны мелкие работы по яфетидологии, особенно по явлениям гибридного типа, и не скоро попадет в его руки ряд последних заметок автора, имеющих прямое отношение к теме, как напр., статья об яфетическом происхождении этнических терминов «этруск», «расен», «пеласг» и т. п. Делу правильного усвоения помогли бы его же заметки по клинописным неопределенным языкам, равно материалы, сообщаемые попутно даже в столь далеком от

протоисторических исканий этюде, как *Русское слово «сало» в древнеармянском описании хазарского пира VII века*. Работа эта предполагалась к изданию рядом с настоящим докладом, но затруднения, встреченные автором при в'езде в западную Европу, и связанные с ними тяжелые переживания вынудили его выбросить за борт попутно предполагавшиеся научные предприятия. Был момент, когда, казалось, исчезает возможность исполнить основные его научные задачи, ознакомление с этрусскими древностями и особенно надписями на их родине и непосредственное наблюдение живой басской речи. Автора, как ученого, напавшего наконец на реальный путь определения этрусского языка и стремившегося к объекту своего исследования в природной его среде, глубоко потрясло, что на его горячие мольбы разрешить в'езд для этрусскологических работ во Флоренцию не нашлось никакого отклика у власть имущих представителей народа, так дорожающего своей исторической культурой, вышедшей, по выражению одного из славных его ученых сынов, из «этрусской колыбели».

Тем более приходится автору ценить дружескую поддержку с различных сторон, давшую ему возможность спокойно вести научные работы, в европейских странах имеющие виды на внимание, повидимому, разве в будущем, но, надеюсь, понятные и сейчас в своем значении для материального тыла яфетического культурного мира, для Кавказа, особенно для высшей школы в Грузии, для университета в Тифлисе. Приношу глубокую благодарность представителю грузинской республики, родного мне края, д-ру В. Ахметели за оказанное содействие по устранению всяких препон на моем мирном научно-исследовательском пути. Сугубо приятно отметить совпадение моего приезда в гостеприимный Лейпциг с пребыванием в нем известного германиста проф. Ф. А. Брауна: физическая встреча с дорогим коллегой на чужбине открыла духовную встречу с ним на почве наших научных исканий, общих теоретических проблем в фактически различных областях, казалось бы, материально не имеющих ничего общего друг с другом. Одновременно не могу не выразить признательности фирме Spamersche Buchdruckerei за готовность и умение в непривычно короткое для меня время дать появиться в свет настоящей работе. При всех недостатках она, думаю, способна дать хоть частично представление о тех общих перспективах, с какими связана в частности предстоящая работа над мертвым этрусским и живым басским языками, оказавшимися родными членами яфетической лингвистической семьи и имеющими восполнить пробелы, существующие в картине ее сравнительного изучения. Что работа по так широко развешивающейся яфетиологии в дальнейшем требует организованного сотрудничества многих специалистов, при том рассеянных по различным странам, это не подлежит ни малейшему сомнению. В этом смысле заключительная часть доклада, обращенная к Российской Академии Истории Материальной Культуры,

по существу продолжает сохранять свое значение, но вопрос, где сложатся условия для образования первой рабочей ячейки такой международной научно-исследовательской организации?

Об одном необходимо быть предупрежденным. Достигнутым в кавказоведении положением дела уже осужден допускаяемый западно-европейскими учеными обычный способ использования данных из кавказских языков, поскольку речь идет об языках Кавказа яфетических чистого или мешаного типа. Эти языки уже освещаются внутренним светом сравнительной их грамматики. При сравнительно-грамматическом знании яфетических языков не было бы повода увлекаться индоевропеизмом так называемого хетского языка Арзавских писем из-за созвучий в окончании «вин.» падежа *-an* (resp. *a*¹), местоименных аффиксах *-mi* и т. п.: общеяфетический характер объективного падежа (вин. + дат.) «а» с согласным показателем *n* для определенной ветви давно установленный факт в элементарной части сравнительной грамматики яфетических языков, а форма *mi* присуща яфетическим языкам, напр. грузинскому, в качестве местоименного префикса именно род. падежа, функционально получающего и значение дат. Знай последнее обстоятельство, проф. *Delitzsch*, быть может, не счел бы нужным свое совершенно основательное недоверие индоевропеизму названного языка ослаблять оговоркой *trotz der bestechenden Wörter für »mein«* и т. д.²). Особенно достается армянскому языку, которым всетаки больше занимались в Германии. Исследователи не учитывают вовсе чрезвычайно поучительной методологически двурасовой гибридности языков Армении (кстати, их, совершенно различных по типу, два), им она и неизвестна, и в доказательство индоевропеизма из того или другого армянского языка они приводят часто, бывает по случайности и удачно, материал, принадлежащий именно не индоевропейскому, а яфетическому их слою. Существующие работы по этрусскому, да и по неопределенным языкам клинописным и неклинописным, мертвым и живым, кишмя кишат такими несуразностями, когда авторы опираются на армянские языковые материалы. Я уже не говорю, о таких с ветра берущихся анализах, как когда в составе *Πελαγοί* по созвучию предлагается признать арм. *azg narod*³), слово, кстати, также яфетического происхождения. Когда речь заходит о греческом языке, равно латинском вопрос уже о совершенно особом исследовательском подходе, не дающемся и действительному арменисту и хотя бы грузиноведа, если он не располагает яфетидологическим теоретическим знанием о взаимоотношениях языков. Конечно, можно только привет-

¹) А. Торп в *Die zwei Arzawa-Briefe, Die älteste Urkunde in indogermanischer Sprache* von J. A. Knudtzon mit Anmerkungen von Sophus Bugge und Alf Torp, стр. 123.

²) *Sumerisch-akkadisch-hettitische Vokabularfragmente*, aus d. Abh. d. Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaften, 1914, phil.-hist. Kl., Nr. 3, Einzelausgabe, стр. 41.

³) *Die zwei Arzawa-Briefe*, стр. 77.

ствовать, что, наконец, истые ученые с вероятностью улавливают как заимствования в греческом и латинском одну, другую группу культурных терминов¹⁾ или доходят до указания на какой-то один неизвестный материально язык Малой Азии, как на источник целого ряда заимствованных слов²⁾. Но перед нами уже иная проблема — о массовом в своей родной среде насыщении обоих классических языков тем же «не-индоевропейским» добром, как их конструктивной частью: оно, предполагается, в них лежит морфологически зиждительно, психологически творя по наследию и усвоению от скрещенных с греками и римлянами обитателей Средиземноморья одной семьи, но различных языков, спаянной неразрывными узлами речи с народами той же семьи в Передней Азии.

Дело не в выражении мысли, намеченной еще в 1853-м году, что *eine besondere weder indogermanische noch semitische Rasse grosse Gebiete von Vorder- und Kleinasien, Kreta, die Inseln des Ägäischen Meeres und auch das Festland von Griechenland bevölkert habe und in Europa in den oben schon genannten Völkern fortsetze*³⁾. Этого мало по существу, а, главное, дело не в высказывании общего положения, а в способе его реальной формулировки, вскрывающей одновременно указание на место и пути добычи порождающих его материалов, конкретно выявляющий научный подход к вопросу. Иначе опять тот же Сизифов труд по прорубанию ворот в непроницаемой скале к разрешению загадки, напр. об этрусском, подходом от мертвых письменных языков, то же невнимание к живым языкам, менее всего внимания к языкам Кавказа. Этим вовсе не утверждаем, что *ex Oriente lux*. Свет технически остается в Европе, он — европейский, но и для научного света необходимо сырье, нужны научно добытые и самоосвещающиеся материалы, основные залежи которых на Кавказе, нужна опять таки организация для непрерывной планомерной их добычи в масштабе разрастающихся яфетидологических и пред'являемых смежными областями знания к яфетидологии вопросов.

Лейпциг, 10 ноября 1920.

Н. МАРР

профессор Петроградского Университета,
д. член Российской Академии Наук.

¹⁾ Meillet, *De quelques emprunts probables en grec et en latin* (Mém. de la Soc. de Linguistique, XV (1908), стр. 161—164; A. Cuny, *Les mots du fonds préhellénique en grec, latin et sémitique occidentale* (Rev. des Ét. Anc., XII, 1910, стр. 154—164), его же *L'hypothèse préhellénique et le gr. βασιλ-εύς, hébr. ba'al, etc* (ц. ж., XIV, 1912, стр. 262—266), особенно ценна фонетическая часть последней работы, которой автор, не гадая об этом, льет воду на мельницу яфетидологии.

²⁾ Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I (1909), стр. 627.

³⁾ A. Kannengiesser, *Ist das Etruskische eine hettitische Sprache*. Programm des Gymnasiums zu Gelsenkirchen, 1908, стр. 4.

Настоящий доклад — продолжение: я в нем продолжаю вслух, публично, обращаясь к вам, членам и работникам молодой Академии, работу свою по дальнейшему усиленному развитию яфетидологии, учения о непризнававшейся до последнего момента в науке, но существовавшей и существующей в природе семье яфетических народов, яфетических языков. Вам уже известно, что яфетические языки это языки коренного населения Кавказа. Единственное гнездо яфетических языков было и есть, казалось, Кавказ, как то все знаем и как то знает история или, отныне вернее будет сказать, как в этом глубоко ошибалась вместе со всеми нами и это наилучше осведомленная в прошлом наука. Яфетические языки ныне намечаются и средиземноморские, а с ними мы уже в историческом или протоисторическом очаге европейской культуры не по греческим мифологическим рассказам и библейским преданиям евреев, направляющим нас за протоисторией на Кавказ, а по памятникам материальной культуры, вскрытым раскопками XIX-го века.

То, что вскрыли раскопки XIX—XX веков по вопросу — сказочно. Греческие мифы и легендарные сказания, как и библейские предания о Кавказе сами по себе уже формально сказки. А что говорит сам Кавказ? Или ничего, или тоже, моими устами, сказку. Вот эту сказку, трудно сказуемую сказку жизни, начальную ее страницу, я решил изложить в настоящем собрании; но для меня эта сказка — действительность: без нее, без этой сказки мы в разрыве с творческими материалами, вне которых один призрак, а не действительность научной работы.

И так я продолжаю в сегодняшнем докладе усиленное развитие учения об яфетических языках, того учения, с возникновением и обоснованием которого получилась наконец возможность и для ученых действительно видеть то, что существовало в природе, но не замечалось. Человек замечает и видит то, что он знает, а ученые тоже люди.

По современным понятиям, семей языков не три, четыре или пять, а значительно большее число. Сравнительно в последний час определявшаяся семья, яфетическая, в порядке известности ученым не могла бы притязать на звание «третьей». Если, с другой стороны, говорить об этнических элементах по дате участия в творчестве Средиземноморской

культуры, то определение «третий» было бы уместно присвоить индоевропейцам, следовавшим за язычно-культурно об'единяемыми сродными семитами и хамитами, яфетиды же могли бы притязать на звание первого этнического элемента. И все-таки третьими пока именуем их по дате выявления археологической наукой третьего племенного элемента в составе творцов Средиземноморской и связанной с ней Переднеазиатской культуры.

При подходе к той же большой проблеме со стороны моих специальных знаний, языковедных, именно данных яфетического языкознания, естественно, предполагается, я суммирую существующие в печати яфетидологические достижения. В освещении их, можно ожидать, опираясь на прежние мои общие положения о месте яфетического племени среди других рас, я буду искать его признания в качестве третьего элемента в составе творческого племенного населения по побережьям Средиземного моря. Для ученого в моем возрасте и положении, ведь в порядке вещей, сугубо надлежит твердо отстаивать то и неизменно держаться того, что он давно открыл или усвоил и что он защищал и укреплял десятки лет. В этом смысле мой сегодняшний доклад может вызвать разочарование. Если бы я разделял точку зрения незыблемости раз установленных когда то совершенно правильных научных достижений, то это было бы убийственным ударом по всему моему научному прошлому. Я вынужден сам изменить всю основу, если не выбросить, то перевернуть и переместить тот фундамент, на котором, заложенном усилиями моих слабых рук да усилиями немногих моих учеников-работников и временных случайно набегавших сотрудников, эволюционно возводились, ряд за рядом кладки, слой за слоем, стены нового здания — яфетического языкознания. В этом смысле сегодня если я не вынимаю из всей моей тридцатилетней научной работы душу, то разрушаю все ею одухотворенное, архитектурно сотворенное, опрокидываю все построение, как оказывающееся несостоятельным, неадекватным полноте знания ставших впоследствии известными яфетидологических материалов. Это тем более может смутить, что первая моя работа, определенно излагающая основы этого построения, появилась всего двенадцать лет тому назад. В 1908-м году была напечатана работа *«Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими»*. Однако, общие положения теории о родстве грузинского, как одного из яфетических языков, с семитическими, были известны, обнародованы мною, еще в 1888 году на грузинском языке в Тифлисской газете. Как студент, тогда я не мог рассчитывать на помещение сделанного моего наблюдения ни в каком ином органе в пределах обширнейшей в мире империи. За ее пределами еще менее можно было рассчитывать на гостеприимство для новой мысли о коренных языках Кавказа, так как никогда к ним в Западной Европе не было проявлено серьезного непосредственного интереса, а кто ими интересовался, даже и профессиональные ученые,

в кавказоведении были только дилетантами, худшим видом сотрудников во всяком серьезно поставленном научном искании, опаснейшими союзниками. Более того, в России в *alma mater* я на десять лет был отброшен от возможности открыто заниматься своей теорией, даже грузинским языком, с большим трудом допущенный к преподаванию армянского, который, к тому же, я был тогда очень далек, чтобы знать в мере грузинского, хотя диплом имел превосходный. Понадобилось 20 лет непрерывной, с тяжелыми душевными переживаниями, работы, случайно упрочившей мое положение, как ученого по специальностям, или не захватывавшим меня, или тем более отвлекавшим меня от основной моей работы, чем глубже они захватывали, чтобы получить возможность напечатать плод давнишних изысканий в виде предварительного сообщения и основных таблиц к грамматике древне-грузинского языка. Таблицы, как и вся работа, были построены целиком на основе первых еще студенческих наблюдений и из них вытекавших общих положений о родстве яфетических языков с семитическими. Понятно, если теория, возникшая в такой изолированности, с первых же шагов должна была ждать поправок. Надо было искать этих поправок от изысканий в трех направлениях, от работ трех категорий: 1) углубления теоретической основы яфетического языкознания, именно родства яфетических языков с семитическими, 2) подготовки учеников, вообще работников, свободных от царивших односторонних общепринятых лингвистических воззрений, разделявшихся и мною, — работников молодых, более смелых, более независимых мыслителей и 3) регистрации чисто яфетических языковедных фактов на пространстве кавказского яфетического мира.

Углубление теории о родстве яфетических языков с семитическими всецело зависело от объединения в работе с яфетидологами семитологов, от участия семитологов в яфетидологических изысканиях. Оно не последовало. Подготовка молодых работников тормозилась составом притекавших в аудиторию аспирантов, всегда имевших свои или национальные задачи, это у кавказцев, или не этно-культурные, а историко-культурные интересы. Немногие, единичные исключения всегда малочисленной аудитории растворялись в трудах по удовлетворению разнообразных специальных потребностей тем временем разраставшегося и осложнявшегося кавказоведения. На долю яфетического языкознания, требовавшего к тому же особо сложных знаний и особо утонченной теоретической подготовки, не оставалось от молодых сил ничего или почти ничего сравнительно с необъятностью если не росших материально, то открывавшихся перед нами теоретически не по дням, а по часам его задач. Источником этого роста, нарастания новых задач и особенно их чрезвычайного осложнения оказалась работа третьей категории — это регистрация яфетидологических данных, наблюдение и фиксирование языковедных фактов из различных эпох, пережитых исторической жизнью

отдельных районов Кавказа, на пространстве, в пределах территории Кавказа, а затем и за ее пределами.

Эта регистрация получила возможность быть нормально поставленной только в условиях работ Академии Наук, в члены которой я имел честь быть избранным ад'юнктом в 1909-м году. Без соответственной организации, как семя попавшее на каменистую почву, каждая живая мысль, как бы она ни была верна или плодотворна, обречена на бесплодие, на гибель. Уже в 1910-м году была возможность начать в изданиях Академии Наук серию «Материалы по яфетическому языкознанию», начать с труда регистрационного по существу характера провинциального работника, без всякого формального научного ценза. Но лишь в 1911-м году я имел решимость публично говорить об яфетической теории в академической речи *Кавказ и памятники духовной культуры*, и здесь уже намечался уклон интереса в сторону освещения этой теорией внутреннего мира кавказских яфетидов, в сторону постановки на очередь внутренней яфетидологической работы, без отношения к семитическому миру. Но и тогда, и даже четыре года спустя в работе, предназначенной для более широкого круга читателей я еще стеснялся громко говорить о том, что я знал, пользоваться термином «яфетический» и лекцию *Яфетический культурный мир и Армения*, перед выступлением с нею публично (1914—1915), а затем при сдаче в печать (1915), я был вынужден переименовать по совету моих друзей, и к глубокому моему огорчению, в — *Кавказский культурный мир и Армения*. В то же время начавшееся уже раньше, в связи с академическими предприятиями, накопление яфетидологически наблюденных и научно описанных и зарегистрированных фактов делало свое дело: сами эти материалы несли с собою свое теоретическое освещение, и попутное зафиксирование, в свою очередь, этих частных или отдельных освещений фактического материала стали, независимо от воли автора, подводить мину под первое общее построение, обнародованное в 1908-м году. Восемь лет спустя, следовательно, в 1916-м году, в результате первых столкновений с живыми бесписьменными языками Кавказа я вынужден был решиться, наконец, пойти на разрыв с прошлым своим научным подходом, когда я исходил в своих изысканиях от мертвых письменных языков, и разрыву этому, весьма опасному для моей научной репутации, я тем более смело мог дать выражение в публичной лекции *Кавказоведение и абхазский язык*, что слушателем ее был не ученый мир, а сухумская публика, с немногими благожелательно к теме настроенными абхазами в ее среде. Тогда уже пришлось братское родство яфетических языков с семитическими, как то выявлялось в 1908 году, заменить не точно определенным «кровным» родством яфетических языков с семитической семьей языков; в раз'яснение положения, «что семитические языки с яфетическими и хамитическими составляют лишь три ветви одной общей семьи языков», мне пришлось делать следующую

оговорку: «Может быть, это так и окажется со временем, но в настоящее время так разросся состав яфетических языков, что приходится их делить на две большие ветви и объединить их в одну самостоятельную семью — яфетическую». Две большие ветви, определившиеся тогда в составе яфетической семьи, были отвлеченно-теоретически воспринимаемы и отвлеченно-теоретически названы лингвистическими терминами, одна — сибилантной, другая — спирантной по соответствию свистящих с шипящими звуков одной ветви придыхательным звукам другой ветви. Вскоре наметилась необходимость таким же путем выделить из состава спирантной или придыхательной ветви отвлеченно-теоретически самостоятельную ветвь сонорную (из носовых и губных с плавными), т.-е. признать одну яфетическую семью сложившуюся из трех ветвей, и мы сейчас находимся в процессе работы над формулировкой этого выделения, но еще больше пришлось уделить внимания, отвлекшись от отвлеченно-теоретического восприятия речи, учету реальных в самой жизни сложившихся взаимоотношений яфетических языков, повести аналитическую работу над материально существующими типами, всегда скрещенными, яфетических языков. Сосредоточение внимания на яфетических языках и носителях его типологических свойств хотя бы по скрещению с ними, на гибридных языках, яфетическо-индоевропейских уточнило яфетидологические методы, углубило яфетидологические перспективы и открыло этно-культурные слои истории Кавказа, совершенно опрокинувшие наши общепринятые представления об исторических народах Кавказа, о казавшейся судьбе одних и тех же племен быть непрерывно носителями кавказской культуры. Яфетидологические перспективы установили в этой роли смену различных племен, прикрытых единством по наследству получаемого этнического названия (1). Они же опрокинули наши общепринятые представления о влиянии внешних культурно-исторических факторов на жизнь Кавказа, вскрыв во всем первичное господство яфетических норм и большой диапазон их воздействия, значительный радиус круга или объема их обратного влияния на прилежащие страны. В частности пришлось отказаться от положения об очевидном иранском влиянии Персии на Кавказ в предполагавшихся раньше размерах. Вслед за учеными М. М. К о в а л е в с к и м по обычному праву Кавказа, К. А. И н о с т р а н ц е в ы м, привлекавшим кавказские бытовые религиозные верования, и примыкавшим к ним историком И. А. Д ж а в а х о в ы м, учеником моим, нашедшим во мне в этом отношении полную поддержку, и я успел иранистическим раз'яснением грузинского пантеона, установлением иранского происхождения названий языческих богов Грузии, казалось, доказать полную историческую несостоятельность начальной «сказочной» части грузинских летописных сведений о родной грузинской этнической религии. Это представлялось параллелью того, как петроградский ученый арменист К. П. П а т к а н о в, опираясь на данные европейской ученой литературы

об иранских богах и иранских мифах, отрицал какое бы то ни было значение армянских народных преданий, сохранных историком Хоренским, попутно опровергая все построение московского армениста Н. О. Э м и н а, между тем Э м и н лишь возстанавливал армянский эпос на основании тех же сказочного характера народных преданий у армянского национального историка Хоренского, т.-е. на основании фольклора древней Армении. Научный аппарат, вся научная техника была на нашей стороне, на стороне тех, кто утверждал положение об иранском происхождении явлений социального порядка в жизни народов Кавказа, об иранской основе их верований и эпических сказаний, равно всей соответственной терминологии. Но при углублении наших знаний яфетического этнического мира, этой племенной основы и подосновы населения Кавказа, иранизм оказался или миражем или результатом позднейшей адаптации местных или вообще переднеазиатских исконных яфетических этно-культурных явлений и форм под цвет или масть позднейших иранских культурно-исторических наслоений. В связи с этим, как то и заявляю в работе, предназначенной уже второй год к напечатанию в Известиях Академической Комиссии по изучению племенного состава населения России, и въ культурно-исторических вопросах я поставлен был в необходимость не только разойтись с собой в толковании ряда грузинских терминов, но совершенно отказаться от такой нашедшей общее признание кавказоведов работы как «Боги языческой Грузии по древне-грузинским источникам», с иранистическим их раз'яснением (2). Источником такого переворота в научном мышлении явилось опять таки накопление новых фактов, более экстенсивная и интенсивная регистрация яфетидологических явлений. Этот источник, пока главным образом, если не исключительно, языковедный, вскрыл сначала элементы, а затем целые пласты обратного влияния в языках народов не только соседящих, но значительно отдаленных от Кавказа. Тот же источник вскрыл иное соотношение в родстве яфетических языков с семитическими, чем то устанавливалось в первом печатном изложении яфетической теории. Тот же источник, что самое важное, сделал необходимым пересмотр, пока печатно даже не заявленный, классификации самих яфетических языков. В результате намечается совершенно новая картина взаимоотношений яфетидов не только с иранцами Персии и за пределами Персии, а также единопородными по языку семитами, но, что к сегодняшнему докладу имеет прямое отношение, и с народами, расположенными в пределах возникновения и развития Средиземноморской культуры. Опереть эту картину во всех частях на специальные исследования или в какой либо части на исчерпывающие вопрос труды, нет пока возможности по обстоятельствам, мною откровенно изложенным.

Открывающиеся перспективы, пусть пока лишь проблемы, пусть для непосвященных в самые материалы — сказки, мой долг не таить, хоть и с риском для моей ученой репутации: может быть, сказки нашего времени не

менее полезны, чем сказочные предания древних для освежения воздуха и правильной постановки конкретных работ, когда нас начинает объединять в научном интересе Средиземноморский мир с его привходящими частями, этот исторический очаг не европейской лишь, а единой мировой культуры.

Как ни древен старый мир, как ни проникнуты и сами члены этого старого европейского мира потребностью жить молодостью и творить, естественным стремлением обновить себя, т.-е., если не свою природу, то во всяком случае свое традиционное понимание мировой общности, но переместить очаг возникновения европейской культуры, мировой, в далекие страны до сих пор не удавалось и как будто никогда и не удастся. Востоковедам бесспорно принадлежит пальма первенства не только в расширении мирового культурно-исторического кругозора, но и в открытии новых, казалось бы, экзотических центров мировой культуры, однако более углубленное, более конкретное изучение колыбели особого культурного мира постепенно вскрывало, что все казавшееся экзотическим в мире человеческих существ, как и в животном мире, как и в физическом, выявлялось как часть общего движения, имеющая неразрывные связи со старым мировым культурно-творчеством Европы. Кто ныне будет отстаивать, что ассиро-вавилонское культурное строительство есть особый культурный мир, а не хронологический этап все того же единого мирового культурно-исторического творчества, получившего прочную оседлость в Европе не со дней, понятно, греков и римлян, а с эпох, когда этих в свое время великих, ныне исторических творцов мировой культуры не было еще в природе? Даже в отношении первоначального населения Америки ученые, притом весьма трезво смотрящие на вещи и особенно в корни вещей, не считаются уже в своих изысканиях с изначальной отрезанностью этой страны, как в какой либо мере с непререкаемым фактом. Положения вещей не меняет, что эпигоны европейского населения вновь открыли миру эту страну лишь в конце XV-го века, впрочем фактически значительно раньше, насколько это открытие связано не с одними легендарно воспринимаемыми деяниями Христофора Колумба. Конечно, в отношении Китая, вообще так называемого Дальнего Востока, у нас господствует и сегодня взгляд, точно это район с особым также изначальным центром независимого культуротворчества, точно от западного культурного мира он в своем зарождении и развитии отделен непроницаемыми стенами, но еще вопрос, природны ли эти китайские стены в культурном строительстве человечества или они искусственное сооружение, возведенное нами, нашими общественными взглядами и, в зависимости от них, научно-теоретическими знаниями.

Как обстоит дело с достижениями исторической культуры Африки, этого вопроса следовало бы коснуться особо. Речь идет не об Египте и прилежащих районах, а о части Африки, казалось бы, вовсе отрезанной от европейского культурного мира, о более южном и крайне западном

районе, о Конго и об Атлантиде. Если не останавливаться сейчас на известных, отмеченных печатью седой современности сказках, носящих в себе зерна действительности, и совершенно отвлечься от современных уже нам фантастических ученых измышлений, памятники исторической материальной культуры говорят о новых сказочных вещах устами уже не яфетидолога-лингвиста, а специалиста по вещам: они, эти вещи сами по себе говорят не только о связи указанного района вообще с историческим Средиземноморским очагом культуры, но именно с культурной работой того 3-го этнического элемента, которому мы с своей стороны посвящаем сегодняшний доклад, как предмету нашей лингвистической специальности. Но в отношении Африки особое положение создается, когда дело касается до-исторической, так называемой первобытной, этнокультурной жизни. Здесь сразу не призрак, а действительность цветных народов, именно черноцветного племени, как будто ставит перед нами преграду в вопросе об единстве происхождения человеческой речи. Однако и это зависит лишь от наших общественных представлений, а не вызывается доводами от обследованности материальных данных, которыми определяется возникновение соответственного вида. Наша общественность, не русская лишь, но вообще современная, и связанные с ней атавистические представления в корне подрывают всякий реальный интерес к возможности вскрытия родства, генетического родства чернокожих с нашей психикой, с нашей речью. Даже известный английский этнолог Кеане, допуская возникновение различных видов человеческого рода от скрещення, готов был согласиться, да и соглашался с тем, что языки могут быть рассматриваемы как различные виды (или типы), хотя и подверженные изменчивости, но «абсолютно независимые друг от друга, неспособные к скрещению для производства новых видов¹⁾». Будущего и настоящего мы не касаемся. Процесс этногении первичного типа, натурального, человечеством как будто пережит. Но кто смотрит так, как Кеане, на пройденные этапы человеческой речи, тот стоит, позволяя себе утверждать, в явном противоречии с бесспорными фактами, вскрытыми яфетическим языкознанием. Существующие типы языков есть создания не первотворчества, даже не перевоплощения или самостоятельные видоизменения прототипных задатков речи, а воплощение плодов творческой работы человечества на каждом отдельном этапе его развития, на котором скрещення играло исключительно важную роль. Первичный аморфный синтетический строй языка, присущий ныне так называемым моносиллабическим языкам, напр. китайскому, второй, агглютинативный, строй, отличающий, напр., турецкий язык, и третий, флективный строй, с каким является, напр., русский, это не три параллельных, а три хронологически последующих друг за другом типа. При творческой живучести

¹⁾ Кеане, *Asia*, стр. 697—698.

еще флективного типа два предшествующих являются пережиточными от ранних эпох глоттогении, эпохи творчества языковых видов, реликтовыми видами. Творчество по созданию языковых видов не прекращалось с возникновением первого типа речи, в жизни его самого возникали материальные данные и ими вызывавшиеся стимулы к новотворчеству, нарождавшие новые виды прежде всего от скрещения и метисации. Человечество и в отношении речи не есть лишь пассивное создание вне его пребывающей Предвечной Воли, оно само себе Творец: мы себя творим. Не только наша судьба, но и наш облик, наша психика, наша речь есть создание самого человечества, как наше настоящее есть наше создание. И отпавшие от процесса новотворчества в формах, от так называемого усовершенствования, реликтовые типы могут говорить не о множественности происхождения речи, а о равнодушии преуспевающего человека, пользовавшегося плодами общечеловеческой творческой работы, к судьбе неуспевших, о равнодушии его к судьбе отброшенных общественностью успешных видов от общей работы.

Сами по себе реликтовые типы отнюдь не были обречены ни на прозябание, ни тем менее — на вымирание. Тому свидетели раннее высокое развитие китайского племени, несмотря на синтетичность его родной речи, равно сильная творческая энергия турецкого племени, несмотря на агглютинативность родной речи. И ныне эти представители реликтовых по глоттогении типов вовсе не внушают мысли о потере ими жизненной энергии.

Вообще и термин «вымирающий» в отношении племени или языка столь же не состоятельный, как и «поглощаемый», поскольку вымиранием и поглощением понимается в смысле бесследного исчезновения одной породы и мистически-отвлеченно представляемого торжества другой. Оба термина понятны лишь как выразители общечеловеческой общественности, прогресс человечества видевшей в утверждении своего вида уничтожением другого, но, как показывают факты, выявляемые яфетическим языкознанием, виды, даже виды языков не погибали так примитивно, языки одни не поглощались другими с той упрощенностью жизненного процесса, какой отличается ясность отвлеченной по вопросу мысли, а материально скрещивались друг с другом, и в этом скрещении уничтожаемые общественностью виды находили свое спасение, часто торжество, претворяя в свою природу, казалось бы, бесследно поглощавшие их языки. Наблюдения яфетидолога таковы, что, если не говорить противоположного его материальным знаниям, он должен утверждать следующее: «ничто само по себе не подвержено гибели, ничто не погибало, все языки дошли до нас в отложениях в составе наличных современных языков как типов всегда скрещенных, иногда гибридных, в большинстве же метисованных не двукратно, а многократно. Если же языки до природного их удела — метисации и скрещения, неизбежного по закону прогресса человечества,

исчезали, то не как вымирающие по природе (таких языков нет), а как истребляемые человечеством, главным образом культурным человечеством». Истребление так называемых вымирающих видов европейцами совершалось обыкновенно в Азии, особенно в Африке и Америке. Но оно происходило и в Европе по настойчивому требованию просвещеннейших для своего времени классов европейских народов, как то мы видим на усилиях уничтожить европейский яфетический народ, каковым оказались баски. История басков по источникам европейской истории начинается с VI—VII века по Р. Х., и это история их угнетения и уничтожения европейцами. Угнетали иереи, феодалы, цари. В 699-м году епископ Пуатье писал графу Галакторию Фортунату: «пусть скитающийся *vaskon*, т.-е. баск, трепещет перед твоим оружием и не доверяется поддержке, которую он находит в скалах Пиреней¹⁾». С 627-го по 766-й год баски заняли весь край между Гаронной и Эбро: король Пипин отбросил их в Пиренеи. Затем, по словам возмущенного спокойным повествованием подлинных документов французского исследователя басской эмиграции в Америку, «королевские пиратства суверенов опустошили эти обширные плоскогорья Наварры, где чисто басские названия отмечают лишь безлюдные урочища, так как баски вынуждены были покинуть страну с вырубленными лесами (*déboisé*), ограбленную и разгромленную этими блестящими бандитами (*par ces splendides bandits*)²⁾. Автор этого резкого выпада *L h a n d e*, судя по фамилии баск, повидимому, не представлял, что эти «блестящие бандиты» средневековья делали дело, которое не прекращалось и в XIX веке. В просвещенном веке, разумеется, истребление непосредственно плоти заменяется умерщвлением духа, искусственным искоренением речи намечаемой жертвы: это уже к концу XIX-го века «испанское правительство заинтересовано уничтожить (*faire disparaître*) известные традиции басков, их привилегии, называемые *fuero*, и одно из средств, им применяемых — война, объявленная басской речи; кастильский становится обязательным даже для обучения катехизису³⁾. Мы могли бы из районов расселения яфетидов уже на Кавказе поведать как утонченные приемы заглушения живой речи, умерщвления народной психики, так опустошение страны и уничтожение населения, также искавшего спасения в эмиграции; и все это находило поддержку, продолжает находить ее не только в умонастроении «блестящих бандитов», но и в нашем научном восприятии мирового культурного строительства. Выкапывая из-под почвы с ликованием пергаментные или папирусные

¹⁾ Fortunat., *Miscell.*, liber X, carm. XXIII, Migne, т. 88, стр. 346 по цитате, у Pierre Lhande'a, *L'émigration Basque*, Histoire — Economie — Psychologie. Préface de Carlos Pellegrini ancien président de la république Argentine, Париж 1910, стр. 13.

²⁾ P. Lhande, ц. с., стр. 13—14.

³⁾ L. Castailhas, *Quelques notes sur les Basques* (*Revue des Pyrénées*, t. V, 1893, стр. 58 сл.) на основании доклада д-ра Guilbeau, из Saint-Jean-de-Luz, на конгрессе Французской ассоциации в По (Pau).

лоскутки с обрывками мертвых языков и с энтузиазмом работая над созданием музеев для этих драгоценных памятников, мы были свидетелями, в лучшем случае равнодушными, того, как искоренялись целые живые языки и губились и живые творческие силы, и ничем не заменимые источники исключительного культурно-исторического значения.

Теория культурно-исторического миропонимания развивалась шаг за шагом, и первые шаги были скованы предпосылками религиозного миропонимания, всегда в конце концов конфессионального. По природе своей оно вводило в единство происхождения общечеловеческой культуры веру не столько в божественность творческого начала, сколько в избранность восприимлющего его племени. Культурно-историческая конструкция в общественности, основанной на началах религии, естественно подрывала идею об органически присущем человеческому культуротворчеству единстве происхождения и развития; она на практике укрепляла и углубляла разность происхождения человеческой культуры, а в связи с этим, в нарушении даже своей основной догматической тезы, содействовала развитию теории о разности происхождения народов, о разности их врожденных качеств и способностей и, следовательно, о разной степени их прав в распределении благ, создававшихся общечеловеческой культурой.

Поправка, вносившаяся в это религиозное восприятие мирового культуротворчества европейским гуманизмом, идеалистически основанным на возрождении форм мышления европейского так называемого античного мира, собственно древнего средневековья, с его общественно освященным рабством, по существу не перерождала старого мировоззрения в нас интересующей области. Она давала лишь новое орудие для более расширенного применения старого понимания мирового культуротворчества.

Революционно, а не эволюционно наметился перелом в развитии культурно-исторического миропонимания благодаря совершенно неожиданному открытию лингвистического родства массы европейских народов с частью народов Средней и Передней Азии. Начало перелома было обосновано на изучении иранских языков и санскрита, на материалах, не бывших раньше в распоряжении ученых Европы и опрокинувших все прежние эволюционно полученные достижения в области изучения языка. Однако открытие застало ученый мир гуманитарной области знаний врасплох, неподготовленным; общественность по-революционная с ее романтическими переживаниями и реставрационными вожделениями не давала условий для углубленного и в то же время расширенного использования лингвистического метода, к тому же не созданного органически в самой лингвистической науке, а полученного извне: лингвистика использовала заимствованные из естественных наук приемы. В этой неблагоприятной для нормального роста среде сложилась и развивалась

индоевропеистическая лингвистика с ее сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Эта наука в области проблемы, нас интересующей, естественно усвоила мирозерцание религиозно построенной общественности, религиозного восприятия мирового культуротворчества; она не вернулась к ней, а углубилась в нее, так как не успела выйти из нее. Индоевропеистическая лингвистика лишь заменила на религиозных основаниях возникавшие деления человеческих объединений лингвистическими, выделила индоевропейский круг языков и отдалась исключительно углублению сепаратного изучения индоевропейских народов и лишь тому, что имело очевидную, с точки зрения подготовки ее работников, связь с ними. Она перенесла на них, на индоевропейские народы, на индоевропейскую расу, взгляд конфессиональной теологии на избранное племя, своими разновидностями наполнявшее главным образом европейский мир. В 70—80 годах индоевропеистическая лингвистика достигла зенита своего творческого периода и вскоре стала подводить итоги, составлять катехизисы с догматическим изложением завершеного, казалось, здания — учения об языке. Случайно ли в 70—80-ых годах? И, наоборот, не сказались ли на существовании таких катехизисов, что вся эта работа по подведению итогов совпала с эпохой после 70-х—80-х годов, и главная их масса была плодом общественности Германии?

Факт тот, что эта лингвистика как этнологическая наука, ищущая происхождения речи и ее видов, иссякла и замерла; она, возникшая на естественно-историческом сравнительном приеме, отошла от работы над более расширенным использованием методов естественных наук и углубилась в недра отдельных культурно-исторических миров.

Техническое развитие приемов и средств исследования языков если не всецело, то в подавляющей значительности принадлежит именно индоевропеистической лингвистике; за ней громадные исторические заслуги по важнейшей культурной работе — научной охране памятников человеческой речи и их старо-музейного типа классификации, точно также как у представителей папской власти неисчислимы исторические заслуги по культурной работе в отношении наследия древней европейской цивилизации, но можно ли провести знак равенства между творческими силами на дальнейших по-средневековых этапах развития европейской культуры и творческой деятельностью пап?

Несмотря на громадные успехи в своей области, вообще по изучению человеческой речи бесспорно общие достижения индоевропеистической лингвистики, ее вклад в экстенсивное изучение языков оказался весьма ограниченным, а в занимающей нас проблеме, проблеме о процессе развития мировой культуры лингвистический индоевропеизм оказался роковым орудием, мертвящим тормазом. Известные слова, произнесенные французским археологом Reinach'ом, может быть, слишком сильно сказаны, — он назвал индоевропейскую теорию для археологической науки

бедствием, но едва ли эти слова уравновешивают подавляющую силу сопротивления, которую оказывало завладевшее полновластно всеми университетскими кафедрами и академическими креслами по общей теории языка индоевропейстическое языкознание проявлению самостоятельных изысканий, независимых от индоевропейстической догмы, хотя бы в кругах языков, самими индоевропейстами-языковедами отнюдь не изучавшимися (3).

Дело в том, что в материализованных отложениях культуры древнего человека и в черте расселения индоевропейцев, стали всплывать памятники, требовавшие определения их хозяев-творцов иных, чем семиты (с хамитами) и индоевропейцы. Приемы археологического, равно историко-художественного и этнологического в бытовом духовном и вещественном разрезе подхода одинаково удостоверили присутствие работника-племени, не-семитического и не-индоевропейского, и везде одного и того же племени. Вот откуда название его «3-й этнический элемент»: третий элемент в Малой, да и вообще Передней Азии; третий элемент на островах Средиземного моря, равно на полуостровах, Балканском и Апенинском; все тот же третий элемент и на крайнем западе Европы, на Пиренейском полуострове; третий элемент и на юге России, на берегах Понта, продолжающих побережья Средиземного моря. Словом, подосновой или прямо таки основой Средиземноморской культуры, исторического очага мирового культуротворчества, стал намечаться этот неизвестный третий этнический элемент, это искомое археологами-вещеводами, исследователями исторической материальной культуры, племя; его происхождение лишь затемнялось раз'яснениями индоевропейстической лингвистики: теоретическими отвлеченностями своей догмы она притязала на распределение памятников исторической материальной культуры между различными племенами и на присвоение главной творческой роли индоевропейцам, проявив в тоже самое время себя бессильной разрешить прямую ей по специальности выпадавшую задачу-загадку о происхождении не только этрусского языка, но и, хотя бы, греческого типа индоевропейской речи.

Только обращением к вещам, к памятникам материальной культуры и независимым их изучением была поставлена на место индоевропейстическая лингвистика, умерены ее притязания. Индоевропейстическая лингвистика, мнившая построить индоевропейский праязык, оказалась просмотревшей или недооценившей иррациональные творческие элементы и в речи, и в культуре средиземноморских народов, выводившейся ею из прародины индоевропейской расы и получавшей раз'яснение как наследие расовой природы, как дальнейшее лишь органическое развитие завещанных природных задатков индоевропейской расы. Едва едва допускалось культурное влияние одной семитической расы (с хамитами), а о третьей еще исторически тогда неведомой расе если и возникала мысль у отдельных самостоятельных мыслителей-работников, она замирала бесплодно. Между тем наука о вещах, история материальной куль-

туры дошла вскоре — весьма давно — до конкретной постановки не терпящего отлагательства вопроса о третьем этническом элементе в мировом культуротворчестве. Его у нас впервые формулировал В. В. Стасов почти полстолетия тому назад в статье, посвященной «одной бронзовой фигурке птицы с человеческой головой и руками, найденной в Ване¹⁾». «Подобного рода фигурок, служивших ручками бронзовым котлам архаического периода, известно теперь много и из раскопок в древнейших греческих святилищах и из гробниц Этрурии и из Армении; о них создавалась на Западе некоторая литература с довольно противоречивыми, конечно, мнениями: одни считали фигурки эти египетскими, другие ассирийскими или вавилонскими, третьи финикийскими». Изложивший такое положение дела, безвременно скончавшийся товарищ наш Я. И. Смирнов в разрешение мнил найти в нашей теории. Отметив редко кем упоминавшуюся названную статью В. В. Стасова, Я. И. Смирнов писал: «в этой прекрасной для своего времени работе В. В. Стасов пришел к категорическому заключению, что рассматриваемая им фигурка переднеазиатского происхождения не принадлежит к произведениям ни семитического, ни арийского искусства; он замечал в ней «третий элемент, чуждый и семитическому и арийскому», но не мог тогда «определить, какой национальности элемент этот принадлежит»; в науке того времени не существовало нужного ему слова, и слово это: «яфетический» произнесено в наши дни²⁾» . . .

Почему однако яфетидологии, так мало разработанной и еще менее известной, если вообще кому либо известной, выпала такая великая честь слышать из уст одного из наиболее скептических мыслителей нашего круга бодрящие слова «дерзай и твори». И здесь дело в естественных условиях, в которых приходилось слагаться яфетическому языкознанию, прежде всего и главное всего — в характере, в самой природе яфетических языков и их взаимоотношений, а затем понятно в той научно-творческой возбуждающей среде и ее жизненно настроенной атмосфере, которые были созданы петроградской школой востоковедения, что является делом не только факультета Восточных языков нашего Петроградского университета, но и Академии Наук: залог успеха в естественно-органически возникавшем объединении их востоковедно-лингвистической научно-исследовательской и научно-учебной работы. Следовательно, менее всего тут значения имели сами работники по яфетидологии, если исключить, может быть, их этническое, именно яфетическое племенное происхождение. Это случайное обстоятельство могло осложнить их научный подход к вопросу, их чисто формальные теоретические искания, независимо от их воли и их индивидуальных качеств, природным средством с обсле-

¹⁾ Mélanges Asiatiques, т. VI, 1872, стр. 493—593 (Tiré du Bulletin, т. XVI, стр. 526—548).

²⁾ ЗВО, XXIII, 1916, стр. 411.

дваемым материалом, внесением хотя бы инстинктивным, невольным, психологического элемента в исследовательскую работу, в иной момент научного творчества (4). Вся сила вещей лежит таким образом не в индивидуальных данных ученых яфетидологов, а в природе яфетических языков, в самих исследуемых материалах и, конечно, в особенностях научной среды, наличии востоковедной исследовательской организации, да и то лишь потому, что отнюдь не случайно она соответствовала сложности яфетических материалов, — и е с л у ч а й н о, а в зависимости от разнообразия восточного племенного состава населения бывшей русской империи.

Материалы сами по себе определяли теоретический успех яфетидологии, как с другой стороны эта именно материальная часть осуждала на невольный неуспех столь усердно и с неослабной энергиею развивавшуюся теоретически область языкознания, как индоевропеистическая лингвистика. Вопрос не в том, что у индоевропеистической лингвистики не было или творчески сильных живых рабочих сил или рабочей организации, а в том, что материалы сами не выносили специалистов за пределы индоевропейских племенных интересов; наоборот, они, эти материалы захватывали их вглубь отдельных культурно или политически важных исторических миров, оставляя от их сил немного для документированного на фактах углубления до этнологических основ работы над общими генетическими вопросами хотя бы самого индоевропейского лингвистического мира.

Семитическое языкознание, по материалам самодовлеющее, замкнутое в себя, по культурно-историческому их освещению естественно еще более отвлекалось даже от общесемитического, так как что ни группа, а иногда и подгруппа семитических языков, то особая религиозно выделенная среда, в большинстве религиозно же творческая, создательница мировых религий. Замкнутый в себя черезчур близким, явным и наглядным до очевидности родством составляющих его языков и распадающийся на противоборствующие ярко-религиозные общественности, семитический лингвистический мир не мог содействовать выработке специалистов по чересполосным реальным лингвистическим связям, за пределами семитической расы. Потому до сего дня остаются недоследованными до глубин даже семитическо-хамитические родственные отношения, в основе признанные самими семитологами.

Туркология, научная хозяйка материалов, захватывающих обширнейшие территории, имела соприкосновение с самыми различными типологическими видами человеческой речи, более того — вкрапливалась струями или вливалась массами в кавказскую среду, кое-где образуя и подвиды скрещенного типа. Тем не менее и она, туркология, в лингвистической области знания замыкалась в себе или проявляла интерес лишь к тем реликтовым типам агглютинативного строя, которые представляли собою типологически явное подобие турецких языков, именно угро-финским. Да и в этом вопросе активность в деле общего интереса принадле-

жала угро-финоведам, а не туркологам. Проблемой о родстве турецких языков с монгольскими едва-ли мы выходим за круг тех же лингвистических интересов к простым видам, к воображаемым примитивам. Была эпоха, довольно длительная, когда с турецкими языками ученые сближали по мнимому типологическому сродству языки Кавказа, и об'единяли их под одним родовым названием «туранские языки», не имея представления о действительном строе языков коренного населения Кавказа, яфетических языков. В последние годы в одном из «полукавказских» или гибридных яфетических языков, именно в армянском, ряд ученых, с той же подготовкою по кавказским языкам, стал открывать общие черты, особенно слова, искони-общие с турецкими, в связи с предполагавшимся турецким вторжением с незапамятных времен в страны архаической Переднеазиатской культуры. Во всяком случае турецкий мир остается в стороне от нашего исторического очага мирового культуротворчества, от Средиземноморского культурного мира древности.

Культурноисторическая заинтересованность яфетического мира Кавказа в том же историческом очаге мирового культуротворчества, наоборот, была и раньше вне спора, хотя бы в мере доселе ожидающейся взаимности на запросы античного мира по раз'яснению его мифологических связей с Кавказом.

С другой стороны, в занятиях яфетическими языками, при первом же приступе к их лингвистическому анализу, выявилась невозможность углубить над ними исследовательские работы, не осветив и не развязав узлов их скрещения с инорасовыми языками. У яфетической семьи языков оказались не только культурно-исторические, но и этно-культурные генетические связи то изначальные общие, то позднейшие частичные, с тремя семьями языков, семитической, индоевропейской и даже турецкой.

На родстве с семитическими языками, притом родстве изначальном, построено все лингвистическое учение об яфетических языках. Без вхождения в языковую природу яфетидов, путем освещения, получившегося от сравнительного изучения яфетических языков с семитическими, мы не имели бы сравнительной фонетики, этой базы яфетической теории, у нас не было бы опоры об'ективной стороны в установлении истории яфетических языков. Но возросши на теории генетического родства с семитическими языками, яфетическое языкознание переросло прежнюю свою формулировку этого родства, и ныне уже собственными материальными данными стремится определить место семитической семьи языков в ее родстве с яфетической.

Интерес к генетической связи с турецкими, уже не изначальной, а по скрещению вызывается такими отдельными конкретными языковыми типами, как, напр., табасаранский язык, бесспорно гибридный яфетическо-турецкий.

Генетическая связь с индоевропейскими, опять таки по скрещению, это именно путь, который нас привел с нашей стороны, совершенно независимо, к той основной культурно-исторической проблеме, к которой с своей стороны, также независимо, давно подошли вплотную археологи. Это путь выявления и окончательного утверждения третьего этнического элемента в творцах культуры Средиземноморья, этого исторического очага мирового культуротворчества. Освещающей начинание звездой, методологическим проводником по прокладке этого пути послужила армянская группа языков, собственно два из них, древне-литературный армянский и другой армянский, живой по сей день, каждый в отдельности типичнейший представитель особого скрещенного вида языков, яфетическо-индоевропейского.

Необходимость в работе над скрещенными типами еще более усилила значение живых яфетических языков, выдвинутых на первый план тем, что без них нельзя было строить сравнительной грамматики яфетических языков: древнейшие письменные яфетические языки, начертанные фонетически менее определенно — клинописью, оказались более изношенными, менее богатыми составом звуков и форм, чем позднейшие, носители уже христианской культуры. К тому же эти письменно позднейшие яфетические языки, литературно известные лишь из памятников-отложений древнехристианской культуры, нуждались в раз'яснениях с помощью ближе стоявших к ним живых яфетических языков, и, наконец, в живых бесписьменных языках оказались представлены целые группы отдельных ветвей яфетической семьи, одна ветвь (спирантная) даже вся целиком, хотя и она в реальности с большой примесью по скрещению элементов другой ветви.

Привлечение живых языков в основу разработки яфетической теории несло с собою необходимость напряженного внимания к реалиям, материальной обстановке среды изучаемой живой речи. Яфетическое слово оказалось не только выражением в удовлетворение психологической потребности, но и образом вещи, неразрывной его частью; яфетическое слово, самое отвлеченное, начало становиться понятным реально в зародыше как вещь, как предмет физического мира.

Яфетическое языкознание таким образом стало обосновываться на изучении живых языков, притом со внесением реального, особого конкретного для каждой эпохи общественного восприятия речи в ее материальном быту, и на изучении скрещенных лингвистических видов. Сравнительная грамматика яфетической семьи языков стала воздвигаться не на примитивах, а на трансформированных отложениях примитивов, выделяемых из скрещенных типов, и на вещественно освещаемых материалах живой речи, обыкновенно в процессе скрещенности.

Это обоснование яфетического языкознания, такое его построение дало совершенно неожиданный результат общего интереса, независимо

от значения яфетических материалов для проблемы о третьем этническом элементе в историческом очаге мирового культуротворчества.

Работа вскрыла далекие перспективы в вертикальном направлении, в глубину времен. Яфетические языки выявились как носители, действительно или пережиточно, трех периодов языкового творчества, аморфно-синтетического, агглютинативного и флективного. Органические словообразовательные частицы, приставки и окончания, оказались изношенными или истертыми служебными элементами агглютинативного периода, а в этих служебных элементах в свою очередь вскрылись цельные самостоятельные слова синтетического периода, тогда одновременно игравшие и служебную роль. С различением периодов языковой жизни по общему формальному ее строю совпали этапы развития самих служебных частиц или элементов, первоначально — служебных элементов. В префиксах и суффиксах агглютинативного периода наметились термины родового строя, названия членов семьи. Морфология речи, как выяснилось, отразила морфологию общественного строя. Язык рассматривался как родовое общество, состоящее из его семейно воспринимаемых членов. «Отец» или «мать», семасиологически первоначально не различавшиеся, как и понятия «брат» и «сестра», наметились в роли выразителей действующих лиц; «сын» («дети») — служебным словом то для образования мн. числа, то для выражения определительного отношения или родительного падежа и т. д.

Служебные слова синтетического периода оказались анатомическими терминами, названиями членов тела. В тот период язык рассматривался как тело, состоящее из частей, повторяющих в своих взаимоотношениях отношения членов тела друг к другу или ко всему телу. Впоследствии эти служебные слова, означавшие «лице», «лоб», «глаз», «нос», «рука», «бок» и т. д., обратившись в предлоги или послелоги, стали означать «вперед», «в присутствии», «через» и т. п.

В ряде служебных элементов яфетические языки дали осветить и местоимения, вскрыть их историю, их происхождение и этапы развития соответственно трем периодам. Местоимения тесно связаны если не с возникновением, то с развитием склонения, вообще флексии до исчерпывающей полноты. Местоимения сыграли особую роль в переходные времена от одного периода к другому. Первый тип склонения представлял изменение не самого слова, а стоявшего рядом местоимения, впоследствии сливавшегося с ним. За агглютинативный период местоимение долго продолжало сохранять положение дела эпохи родового восприятия лица или еще более архаического — стадного восприятия. Восприятие лица в ед. числе — позднейшее явление. Яфетические местоимения сохранились в формах мн. числа и для ед. числа, хотя сами яфетиды ныне и давно этого уже не чувствуют. Индивидуальное восприятие одного лица и затем одного из трех лиц это результат долгой эволюционной работы. В первый период

слово, ставшее впоследствии личным местоимением, означало сложный индивид, тело или душу (эти два понятия еще не различались), и такое лицо-индивидуум, вернее лицо-родовое в своем самосознании, семья, противопоставлялось не другим лицам, а стаду-племени.

Чем древнее, тем менее было в словах, в восприятии самих яфетидов, понятий и отвлеченностей и больше физической или образной природы, материальной реальности и представлений. Числительные выявились также как физические предметы, как пережитки слов, обозначавших и обозначающих члены тела: для представления «один», как и для представления «два» бралось одно и то же слово, не «голова» («одна штука»), а или «рот», воспринимаемое как один («один рот») и два («пара губ»), или «рука», воспринимаемое как один («одна рука») и два («пара рук»), число «четыре» оказалось словом «ноги», в связи ли с представлением о четвероногом животном или, быть может, в зависимости от того, что руки еще продолжали служить передними ногами, когда блеснула творческая мысль о «четырех», пять выражалось словом «кулак» («пятерня») и т. п. Первоначальное исчисление единиц доходило то до пяти, то до шести, свыше этого было слово «много», представление о котором давалось двумя руками, как носительницами многих единиц пальцев, числовое восприятие которых, однако, не было еще доступно. Когда пра-яфетид дошел до представления о десяти, то тоже слово рука во мн. числе, собственно две руки с «десятью пальцами» стали выражать «десяток», а промежуточные числа выражались с помощью остальных то прибавкой к пяти и шести единицы, двойки, то вычитанием из десятка той же единицы, двойки, и другими еще приемами исчисления.

Вообще одно слово, всегда в физическом или материальном восприятии возникавшее, являлось выразителем десятков различных понятий, собственно давало представление о многих десятках предметов, с нашей теперь точки зрения, материальных и духовных, но в те до-исторические эпохи неразличавшихся. «Рука» давала представление, говоря проще — означала не только «руку» и ряд чисел (1, 2, 10), но «мощь», «власть»; «право», «долг»; «милость», «благодать»; «богатый», «могущественный», «сторона», «страна», «опора», «помощь», «подобный», «подобно», «через», «до»; «держатъ», «ловить»; «получать»; «давать», «поручать»; «терпеть»; «побеждать» и т. д. и т. д. В линии развития понятия о «мощи» «рука» служила основой для образования терминов, означающих носителей власти, как то «властитель», «правитель», «князь», «царь», а в линии ассоциации представлений в плоскости этнокультурной религии «рука» означала «бога», именно племенного «бога» и названия соответственного племени. Таково между прочим название яфетического племенного бога ванских халдов — «халд» (5).

В первобытные эпохи не существовало различных частей речи, не было наиболее из них отвлеченной части — глагола. Глаголы в зародыше

те же существительные, притом части опять таки плоти или тела и тогда, когда глагол совершенно отвлеченного значения, как, напр., «быть» или «иметь». Глагол, означающий «имеет», собственно «у него есть» (груз. a-qu-s ← a-qun-s, пр. a-quñ-da || h-qon-da), в зародыше значит «у него *жир*»: «жир», «избыток» воспринят как избыток или нечто присущее плоти — т. е. «быть», «существовать», «иметь». Жир, как бы оклад плоти, воспринят как слово, означающее «одевать» или «одеваться»: «он одет», напр. по-грузински — a-ḡvi-a, с буквальной точностью первично означало «на нем *жир*»(6).

В правильном понимании столь разнозначущих слов существенную роль играла мимика и главным образом рука, т. е. жест, а также повышение и понижение голоса, удлинение и укорачивание звуков, их долгота или так называемое удвоение и краткость, наконец, самый тон, т. е. вся та часть речи, которая может быть изучаема лишь в работе над живыми языками, если реально хотим учесть ее значение.

Об'единению в одном слове многих десятков, а с производными — и многих сотен значений в соответственные первобытные эпохи содействовала недифференцированность миров материального, общественного и духовного, недифференцированное представление о них в восприятии религиозном, почему одним и тем же словом называлось «небо» и «земля», «животное» и «дерево», или «звезда», «свет», «искра», «мысль», «правда», «справедливость», «колдовство» и т. д. и т. д. То или иное значение присуще было каждому данному слову не индивидуально, а в определенном положении, в составе определенного контекста живой речи: употреблением в каждом отдельном конкретном случае определялось значение слова.

Рядом с такой многообъемлющей прегнантностью отдельных слов первобытной речи, дающей возможность возвести богатый яфетический словарь к весьма ограниченному числу прототипов-слов действительно существовавшего пра-языка, мы наблюдаем такую же недифференцированность первичных звуков, совмещавших в себе ряд впоследствии, по их разложению, выделившихся простых сложных звуков обычной человеческой речи. Пережиточные или атавистически возникшие подобия, но отнюдь не подлинные первичные звуки такого реального пра-языка сохранились в ряде яфетических языков, напр. в абхазском, лезгинском и др. К ним примыкают те аффрикаты, вообще сложные звуки, которые вместе с гортанными так резко обособляют яфетические языки. Но с подлинными первичными не вполне расчлененными звуками этого порядка мы достигаем грани между очеловеченными звуками социальной речи и нечленораздельными звуками природного общения животных в стаде. Туда доводят нас первичные формы яфетической морфологии и первичные звуковые комплексы, весьма немногочисленные, яфетического словаря.

Исключительное значение яфетических языков по этому вопросу в том, что в них с нарождением новых потребностей и удовлетворяющих их форм,

типологически принадлежащих иному строю, строю второго и третьего периода, первичные, психологически уже пережитые формы, материально не убирались из живого инвентаря, а дошли до нас отложившимися в наличных яфетических языках. Преимущественное и особо благоприятное положение яфетической теории не в ее незыблемых началах, не в количестве или в качестве сильных умом ее работников, а в творящих ее, воспитывающих ее работников материалах, пережиточно-наследственно накопленных из до-яфетического состояния речи за все пройденные периоды в самих яфетических языках во свидетельство о каждом периоде. Яфетические языки, как они есть, носят в себе с исключительной наглядностью отложения всех трех периодов. Достигая, как сказочный герой Атлант, головой, своею языковой психологиею, высоты Неба, яфетиды, способные мыслить, говорить и творить в уровень с современностью каждой из эпох культурной истории человечества, даже с текущей ныне современностью, туловищем, морфологической структурой речи не отрываются от до-исторической почвы; наоборот, по сей день упираются в нее, точно вросши в нее ногами, и непрерывной цепью трансформаций за ряд периодов сохраняют связь с состоянием того же языка на грани очеловечения животной речи (7).

Таким образом в яфетическом мире Кавказа получается лингвистический микрокосм. Его нет никакой возможности признать образовавшимся, как то представляют себе ученые, от случайных залетов или разношерстных этнических обломков, попутно брошенных в крае различными народами, проходившими Кавказ в своих переселенческих движениях.

Бесспорно, налетавшие на Кавказ чуждые этнические массы в этом цельном мире образовывали позднейшие вкрапления, как районы с иранским и турецким населением позднейших эпох, или содействовали зарождению скрещенных видов и по всей видимости содействовали также расхождению отдельных групп одной яфетической семьи, но они не были в силах разбить его цельность.

Для нашей проблемы о прикосновенности яфетидов, как третьего этнического элемента, к историческому очагу мирового культуротворчества на Средиземном море эти перспективы в вертикальном разрезе, в глубь времен, конечно, имеют значение, но лишь постольку, поскольку может возникнуть вопрос о принадлежности речи тех яфетидов к тому или иному периоду жизни яфетических языков. Но несравненно более важное, более существенное значение имеет для того же вопроса об определении третьего этнического элемента горизонт, открываемый перспективами семьи яфетических языков в ее горизонтальном разрезе, в связи с распространением яфетического населения по территориальному расширению, в связи с вызывавшейся таким распространением встречей с другими расами и процессом их взаимодействия. С ним непосредственно

связан и вопрос о появлении яфетидов с их языками на Кавказе и их прародине, и вопрос о миграциях яфетических языков, о путях этих миграций в те или другие стороны и о определяющих эпохи миграций морфологических типах в составе языков переселения.

II.

Вне спора, что в настоящее время и с весьма отдаленных эпох на Кавказской территории сосредоточено громадное число языковых видов яфетической семьи, в числе их и виды исключительной важности для нашего вопроса, — виды скрещенного типа. Однако есть естественное основание сомневаться, имел ли возможный цельный кавказский языковой мир, ныне выступающий перед нами как яфетический, находить в себе самом, замкнутом в пределах Кавказа, стимулы и черпать материал для троекратной типологической трансформации языка, или три этапа на пути коренных перерождений человеческой речи, первые два разумеется в составе не одних пра-яфетических, тогда отдельно и несуществовавших, им совершены в другой более благоприятной для такого творчества среде. Множество яфетических языков на Кавказе и их не совпадающее со степенями родства расположение по площади этого края побуждают искать прародину Кавказских яфетидов в другом месте и на более обширной территории. На той ли прародине расстались семиты с яфетидами, или была еще другая стоянка, общая у яфетидов с семитами, также особая проблема, но у нас нет никаких данных, чтобы приурочивать эту общую стоянку к Кавказу. Родство семитических языков с хамитическими, так и не доследованное до этнологических глубин, в искании прародины яфетидов направляет наши мысли в сторону Африки, с хамитическим населением которого ученые находят лингвистическое родство аборигенов Пиренейского полуострова, ныне определившихся как яфетиды. С другой стороны, намечающийся облик яфетических языков, очевидно, до их выделения из общего ствола человеческой речи, за синтетический и агглютинативный их периоды, типологическое сродство их в те эпохи с языками дальневосточными и среднеазиатскими требуют внимания к глубинам Азии. К тому же, археологи, занимавшиеся протоисторическими вещественными древностями Кавказа, особенно в связи с металлургическим вопросом, склонны кавказскую протоисторическую яфетическую культуру произвести от металлургических знаний той глубокой Азии, связать с алтайскими месторождениями соответственных руд.

Спору не подлежит одно важное обстоятельство: расхождение семитов с яфетидами произошло по наступлении флективного периода, а это для нас еще лишний довод в пользу того, что яфетиды прибыли на Кавказ, достигнув флективности речи, что агглютинативный и синтетический периоды яфетическими языками соответственно выделявшимися из общего

ствола, были пережиты в состоянии невыделенности, если не изжиты вне пределов Кавказа.

Правда, семиты, не захватившие с собою в речи таких наглядных фактов и характерных явлений из языковой жизни пережитых с яфетидами, — следовательно, в их составе, за прежние до-флективные периоды, сохранили намь от тех до-исторических эпох предания о мироздании, неразрывно связанные с яфетическим миром. Я имею в виду не исторический путь заимствования евреями библейских сказаний о сотворении мира и первом человеке из месопотамских ассиро-вавилонских источников, где семиты сходились с яфетидами. Я имею в виду до-исторические и лишь этнологически прослеживаемые связи тех преданий с яфетическим миром, съ яфетической речью. Утверждаю, что не только «сатана», играющий столь существенную роль в сказаниях о первых днях по сотворении мира, но и ряд терминов и названий начальных глав Библии, этой действительно мировой книги, чисто яфетического происхождения. Так яфетического происхождения 1. термин *Yahve*, название *Б о г а*, у яфетидов сохранившееся со значением духа злого, 2. яфетического происхождения — имя *Ева*, означающее на яфетических языках «жена». Более того, ряд библейских мифологических рассказов, как, напр., рассказ о происхождении женщины, в буквальном смысле миф, основанный на естественной игре слов в яфетической речи, именно на том, что одно и тоже слово у яфетидов означает и «бок» или «ребро» и «женщину» или «девушку» и т. п. Яфетическое языкознание дает возможность не только раз'яснить ряд таких моментов и существенно важных терминов библейской мифологии, но и определить те типы яфетических языков, которым принадлежат привлекаемые для раз'яснения материалы, т. е. определить точнее яфетическую среду возникновения прототипов библейских преданий в целом или в частях.

Мы, понятно, понимаем, насколько наши утверждения могут показаться сказками, но нас более интересует то, что эта яфетидологическая сказка находит поддержку в самой Библии, указывающей на территорию яфетического Кавказа, какъ на место, к которому приурочены те или иные библейские сказания, такъ, напр., сказание о потопе; нас более интересует и то, что к тому же Кавказу приурочивают и греки не только древнейшие свои сказания, но и предание сходное с библейским о создании человека из глины Прометеем, сыном Титана *Iapeta*. Самое сказание о создании человека из праха или глины опять таки находит естественное об'яснение в том, что на языке яфетидов «глина» и «человек» называются словом одного и того же корня (*kə* по свистящей группе сибилантной ветви), одним и тем же словом (*kaʃ* || *keʃ* с позднейшей перегласовкой по спирантной норме *vm. kaʃ*). Надо, наконец, считаться и с тем, что в пределах именно Кавказа у самих яфетидов народно существовали до *V вѣка* по *P. X.*, вероятно, и позднее, предания о потопе, о деяниях

титанов, совершенно независимые от каких либо книжных источников, существовали они как памятники далекой старины, и также приуроченные к кавказской территории.

И все это еще больше укрепляет нас в убеждении, что библейские сказания о мироздании и ближайших событиях, дошедшие до нас в письменном предании евреев, чисто яфетического происхождения. Прототип дошедшей до нас редакции библейских сказаний о мироздании нашим этнолого-лингвистическим подходом определяется культурной эпохой металлов, более того — эпохой железного века. Материально-реальное представление о небе-т в е р д и, как то рассказывается в библейской легенде о мироздании, мы получаем лишь с яфетидологическим разъяснением термина $gk\bar{i}ak \setminus gk\bar{i}a$ (יָרֵךְ), что значит «железо», а не «расплащенное» или «расширенное» в связи с семитическим корнем глагола «топтать», «расширять» (8). Следовательно, «небо-т в е р д ь» буквально означало «небо-ж е л е з о». И с той же разновидностью яфетического корня, вклада спирантной ветви яфетической семьи, находится в генетической связи племенное название Қауп, в Библии появляющееся совершенно правильно в качестве названия яфетического народа-ж е л е з а в составе гибридного эпонимного имени Тубал-Кайна, первая часть которого также яфетический этнический термин, есть название яфетического народа-м е д и. С таким содержанием и в таком материально наглядном изложении библейские сказания не могут служить доказательством того, что прародина яфетидов, общая стоянка их с семитами, была на Кавказе. В пределах Кавказа мы вообще не находим и типов скрещения яфетическо-семитических, которые свидетельствовали бы о раннем и глубоком вхождении уже давно отделившихся семитов в яфетическое население Кавказской территории.

Совершенно иное отношение наблюдаем мы с индо-европейцами. Они здесь, на Кавказе, не только проникают в толщу яфетического населения, но проникаются его природными этническими элементами, что содействует народжению гибридных яфетическо-индоевропейских видов речи. Имеется в виду не только армянский язык, этот бесспорно яфетическо-индоевропейский язык, но и греческий, как он во всяком случае этнографически был, в одной стадии своего развития, на Кавказе и как представлялся соседям-кавказцам, яфетидам.

Гибридность не только армянского, но и греческого племени кавказский яфетический мир запечатлел в документе непререкаемого значения — в этнических терминах, названиях того и другого племени: в точном переводе на общепонятный язык эти составные племенные названия каждого народа в отдельности гласят, армянского — ионобаск, а греческого — ивероион или ивероионянин (9). Эти названия сами по себе выявили не простую гибридность, но особую двух-расовую — яфетическо-индоевропейскую. В обоих терминах выразителем индоевропейского слоя,

цельного или еще раньше скрещенного, служит ион или ионянин. Ион по изначальному происхождению также яфетид, и чистые яфетиды до наших дней сохранились, под тем же названием, в составе современного населения Кавказа, но ионы или ионяне на Кавказе сделались носителями индоевропеизма, образовав не только бесспорно гибридное армянское племя, но и яфетидам Кавказа также неказавшееся спорным гибридное греческое племя значительно раньше, чем началось колонизационное движение эллинов из эллинского мира в Понт: к VIII-му веку эти ионяне, уже не яфетиды, а эллины или вернее об'эллинившиеся яфетиды Понта составляли особое государство с царем во главе, носившим греческое имя, как то свидетельствуется клинообразной надписью царя халдов Сардура II.

Но каков был тип скрещенного еще на Кавказе вида яфетическо-индоевропейского языка, как он предлежал в том ивероионском языке, который впоследствии в глазах кавказцев отождествился с эллинским языком? Дело в том, что виды скрещенного яфетическо-индоевропейского типа были различные, помесь бывала с различной степенью участия в ней элементов яфетических и индоевропейских.

В армянской группе, для примера, армянских языков два, и в них обоих яфетический слой выступает ярко; наоборот, затрудняется выявление их ариоевропейского слоя среди ариоевропейских языков, тогда как у третьего яфетического племени той же армянской группы, курдов, язык прекрасно определяется в его индоевропейской части как иранский, тогда как яфетический его слой менее ярко выступает. Это — два типа скрещенного вида, хронологически свидетельствующие о двух этапах процесса скрещения.

Здесь-то и выступает конкретная сторона стоящей перед нами проблемы, часть большой проблемы, возникает специальный вопрос: были ли племена, переселявшиеся с Кавказа на Запад, на побережья и острова Средиземного моря, если они составили действительно искомый 3-й этнический элемент его населения, — были ли они чистокровными яфетидами или метисами, именно скрещенным с индоевропейцами типом, яфетидо-ариевропейцами? Нас касается лингвистическая часть вопроса, следовательно, речь идет о том, были ли языки этих переселенцев простыми или скрещенными «меж-яфетическими» видами при внедрении в Средиземноморский район или они представляли особые скрещенные виды яфетическо-индоевропейских языков хотя бы армянского типа, еще до возникновения новых языковых видов в устах эллинов и римлян с их античной речью, до вторжения в тот же район новых волн чистых индоевропейцев.

Для ответа на этот вопрос нам уже недостаточно Кавказа, недостаточно кавказоведения. Опорой в подготовке этого ответа должно быть Средиземноморье и его материалы с яфетидологическим их освещением в условиях европейского быта. В первую очередь надо опросить сами

языки, имеющие прямое отношение к так называемому пеласгскому, этрусскому и, как в последний момент стало известно, баскскому.

Источники осведомления как будто малокрасноречивы. От пеласгов не осталось ни одной строки, а этрусский язык сохранился лишь в известном числе сотен строк мертвого инвентарного характера. И на основании этого скудного материала более смелые европейские аргonautы, прошедшие индоевропейскую лингвистическую школу, все более и более вынуждались направлять исследовательское судно к берегам Кавказа. Но лингвистических материалов гораздо больше, и мертвого, и живого с точки зрения теории яфетического языкознания. Нет вовсе самостоятельно дошедших до нас пеласгских материалов (10). Мало очень этрусских материалов в самостоятельном языковом виде. А в составе греческой речи, мертвой и современной живой? А в составе латинского языка и современных романских языков? Яфетидология не признает отвлеченностей в натуре, никогда не существовавших в действительности теоретических примитивов, отвлеченно воспринимаемых и соответственно воссоздаваемых: она ищет материально-реальных примитивов и находит их следы пережиточно в трансформированных слоях состава скрещенных типов и определяет в них неумиряющие творческие элементы. Или наши сближения и доказательства генетического родства кавказских яфетических языков с яфетическими или яфетидоидными языками Средиземноморья, с языками его до-индоевропейского населения, миражъ, или в языках этого мира, возникших впоследствии — по затоплении его новыми миграционными волнами индоевропейцев, мы имеем новые скрещенные виды с пережиточными яфетическими элементами, т. е. в эллинском и латинском языках, а еще более в ново-греческом и романских языках мы должны вскрыть и действительно начинаем вскрывать яфетические элементы, имеющие обратиться, есть основание утверждать, в целые творческие слои (11). Вопрос об яфетических элементах в эллинском языке однако осложняется тем, что здесь не одни пеласги намечаются носителями яфетидизма, и не одни ионяне, гибридные, повидимому, еще на Кавказе, а ряд других племен, вошедших в состав эллинского племенного типа.

В отношении латинского дело обстоит как будто лучше: его использование в яфетидологическом освещении этногенического вопроса о населении Апеннинского полуострова, разумеется, облегчается этрусским языком.

Что достигается яфетическим языкознанием по вопросу об этрусском?

Во-первых, яфетическим языкознанием подтверждается и скрепляется, по незначительной прочистке, все то, что добыто каторжной работой этрусскологов в части достижений, составляющей предмет общего их признания, все, что они успели раз'яснить, идя ощупью и от суб'ективных догадок, в общем шаблонно-мертвенно и для исследовательского

творчества плане, но в научно-творческих подходах к отдельным деталям. Яфетидология начинает обосновывать это подтверждение на базе материально-теоретического знания яфетических языков, на знании их исторически освещенных фактических данных.

Во-вторых, яфетическое языкознание, перенося этрускологию на материально сродную почву, освобождает от массы излишних блужданий, от непроизводительной траты труда, вооружает ее исследовательской техникой, необходимой для работы над языками той природы, которая присуща этрусскому.

Пока яфетидологии в отношении этрусского, путем раз'яснения его фонетики и морфологии, а также группы слов достигнуто то, что устанавливается его гибридность, скрещенность в нем двух основных яфетических племенных языков с примесью третьего: эти основные племенные языки в составе этрусского определяются как принадлежащие, один к сонорной ветви, а другой к шипящей группе сибилантной ветви, с примесью свистящей и спирантной. Повидимому, шипящий язык это собственно этрусский, свистящий слой идет из расенского; для сонорного и спирантного слоев в Италии пока мы не находим источника.

Новой только-что открытой опорой в обосновании яфетидизма 3-го этнического элемента в Средиземноморском населении являются баски, наиболее ценные тем, что они дожили до нас и сохранили свою речь в живых диалектических разновидностях (12). Это также гибридный язык спирантно-сибилантный, притом сибилантный шипящей группы, словом по составу того же типа, как сванский язык. Есть и примесь иных еще групп, так сонорной ветви.

Затруднение с басским состоит в том, что как будто не разрешим пока вопрос, произошла ли гибридизация на Кавказе или на Пиренейском полуострове. Коренным первичным слоем в басском является спирантный язык, а другой основной отложившийся в нем слой принадлежит языку шипящей группы. Была эпоха, когда один из языков шипящей группы, ныне мегрельский, назывался иверским, и скрещение с ним басского, спирантного, и определяет его вид. Но, имея в виду, что иверы или иберы находились и на Пиренейском полуострове, соседнили с басками, не исключается местное, уже пиренейское происхождение факта наблюдаемой в басском основной гибридизации.

Вероятнее все-таки, что баский был метисован на Кавказе, как сванский и как древнелитературный армянский, последний в скрещении дополнительно с индоевропейским.

По морфологическому строю баский принадлежит отнюдь не к агглютинативному, как предполагают басковеды: он флективного переходного времени, переходного от агглютинативного к флективному, когда флексии, напр., в склонении подвергалось собственно лишь местоимение, в таком флективном оформлении сросставшееся с именем существительным.

Значение басского исключительное для проблемы о третьем этническом элементе, а равно для специальных лингвистических изысканий в области какъ кавказских, так европейских яфетических языков, в частности этрусского. Вклад басского в испанский и французский языки обещает значительно большую жатву, — чем до сих пор собрано материалов. К числу баскизмов во французском может относиться термин *pilote* кормчий, у басков означавший знахарь, врач, так как, судя по кавказским яфетическим соответствиям это прежде всего звезда, собственнно «(руководящийся) звездами», кудесник, да и врач (13).

Территориальное начало миграционного движения яфетидов на Запад мы вынуждаемся лингвистической палеонтологией приурочить также к пределам Армении, идет ли речь о пеласгах, расенах и этрусках или о басках.

Это та страна Кавказского мира яфетидов, откуда шло миграционное движение уже многократно скрещенного армянского народа и значительно позднее в средние века, начавшись с VI—VII веков по Р. Х. и усиливаясь с XI—XII веков.

Движение средневековых армян не относится к переселению народов этногенетического значения. Это — миграция исторической эпохи, совершавшаяся в культурно-исторических путях. В движении на Запад, по основании армянского царства в Киликии и его разрушении, и вслед за тем — по разрушении последнего политического их пристанища на Кипре, эти пути довели их до Италии, до культурного гнезда в Венеции — братства мыхитаристов.

В движении древних яфетидов приходится также особо выделить случаи переселения культурно-исторического значения, а не этногенетического порядка, и такой случай мы, по всей видимости, имеем в одном слое этрусков или расенов, которых соседи называли этрусками по кровному их родству, по принадлежности их к племенным разновидностям одного и того же народа. Эти расены-этруски, также происходящие из пределов Армении, с этой своей родины двинулись по разрушении урартского царства, задолго до основания халдами в IX-м веке до Р. Х. на Ванском озере халдского царства, которое ассирийцы по старой памяти продолжали называть Урашту (вместо Урушту) или Урарту, т. е. страной расов или расенов. Эти переселенцы расского, точнее рушского племени могли нести с собою не только племенные особенности и этно-культурные стяжания, но и знания и искусства, вообще навыки вполне развившейся уже на Востоке исторической культуры с письменностью.

Для миграции яфетидов в до-исторические эпохи Средиземноморской жизни яфетидология намечает лингвистической палеонтологией в области племенных названий два пути, один морской южный, через Малую Азию и острова Средиземного моря и полуострова, другой — северный, матери-

ковый, по северному побережью Черного моря и югу Европы с вторжением на полуострова или со встречным выходом в Эгейское море и на Архипелаг. Этрусское племя шло и в до-историческую эпоху обоими путями. Этрусков было два народа: с юга Ванского бассейна рушский, он же, собственно этрусский народ совершил, пройдя Малую Азию со стоянкой в Лидии, морской путь, со стоянками на островах, и кончил свое переселенческое движение на Апеннинском полуострове, куда с севера влился того же племени народ расенский, собственно расский. Северный расенский народ того же племени, двинувшись с берегов Аракса на север, имел долгую стоянку на северном Кавказе, где от него остались до наших дней лезгины, точнее — «ласги» или «лесги», население при-каспийского бассейна. Расы на севере Кавказа расслоились в две народности — пеласгов и расенов. Пеласги оседают на Балканском полуострове (не потому ли, что они двигались первые?). Расены влились в Апеннинский полуостров, где они смешались с этрусками, под названием коих они были известны соседям (14).

Баски из того же ванского района Армянского плоскогорья имеют стоянку на аракской или арасской долине, одно время достоянии расов, откуда перемещаются в бассейны Куры и Риона. На восточном побережье Понта, около Сухума, расстаются с Кавказом, чтобы очутиться в конце концов на Пиренейском полуострове в соседстве с теми же иберами или иверами, с которыми они соседили и на Востоке, сначала в Малой Азии и на юге Армении и впоследствии на Кавказе.

Каков путь иверов, морской южный или сухопутный северный, это еще вопрос. Судя по некоторым бытовым чертам и протоисторическим памятникам материальной культуры у Пиренейской Иберии устанавливается связь с восточными островами Средиземного моря, которые и могли служить стоянками на их, допустим, морском пути из Малой Азии. Они бесспорно были и на Кипре, и в Сицилии. В использовании Страбона яфетидологу во всяком случае трудно идти за G. Wilke, находившим литературную поддержку для своего положения о миграции иберов, наоборот, с запада на восток в этом географе, но смело можно пользоваться из того же географа утверждением Эфора, что иберы — «первые насельники Сицилии» (VI, 2, 4). Сицилия, при принятии морского пути, могла быть последним этапом их движения в Испанию. Существа дела не менял спор о правах на автохтонность между иберами и сиканами, поскольку сиканы — вселенцы из Италии, имеющей свои счеты с Кавказом через этрусков-расенов, тем более, что сиканы, вскрываемые яфетической номенклатурной палеонтологией в числе народов Кавказа, уже здесь переплетались с восточными сородичами иберов и этрусков-расенов. Однако путь мог бы быть и сушею, но иной — через Африку, по южному побережью Средиземного моря, испытанный не впервые завоевательным движением творцов средневековой культуры, арабов. С Кавказа ли, из Армении,

как этруски, или из более южного яфетического края, хотя бы Двуречия, иберы — ранние выходцы из Передней Азии в Средиземноморье, может быть, не через Малую Азию, а через Палестину. В Передней Азии иберы или иверы один из древнейших народов яфетической семьи. На Кавказе они под тем же названием иберов или иверов, сначала это народ с яфетическим языком шипящей группы, а потом так называются грузины-картвелы, народ с яфетическим языком свистящей группы. Но какова была их до-историческая этническая сущность, их первоначальная природная речь, шипящая, свистящая или вовсе не сибилантичная, а спирантная? Это еще надо установить. Племенные их названия известны в многочисленных разновидностях не только по сибилантичному типу — Sumer (Шумер) → Obel || Oubal → Tibar-en, но и по спирантному типу — Ber, собственно Niber, а, как теперь выясняется материалами баскской речи, первоначально — Numer → Kureg. Название их яфетически, как то раз'ясняется сочетанием баскских данных с грузинскими, означает «сын» или «дети», обычное слово, используемое у яфетидов для образования племенных названий. Для нас важнее отметить, что это племя имеет тотемом, судя по племенному его названию, в светилах, повидимому, «солнце», а не «луну», если не разлучать с ним Obel || Oubar (Oubal) по кажущейся связи с созвучными яфетическими словами, означающими «луну», «м'сяц», а в металлах «медь», по скрещении же с другим родственным племенем — «бронзу» (15).

Среди наметившихся пока миграций яфетических народов нет ни одной, свидетельствующей о переселении от синтетического или агглютинативного периода; к тому же все эти пока упомянутые миграции идут с Кавказа, разве за исключением иберов.

Пережитки яфетидов, вершики, они же бурешки или буришаски, открытые в Средней Азии на Памире, в своей речи выявляют следы соседства с армянами, с индоевропейским слоем гибридных уже языков Армении (16).

Хронологическое начало, terminus a quo, миграционного на Запад движения древних яфетидов до-исторических эпох, этногенического значения, также нельзя датировать временем ранее периода флективного строя яфетической речи, т. е. временем, когда яфетиды и не были выделившимися. С другой стороны, само собой разумеется, ни в одном случае не может быть вопроса о племени-примитиве среди яфетидов-переселенцев с Кавказа, это все скрещенные или гибридизованные типы яфетических племен, и в этом опять таки у нас известная опора для яфетидологического лингвистического выяснения даты начала движения яфетидов на Запад с Кавказа.

Но скрещения на Кавказе — мы уже знаем — имеются двух категорий, чисто яфетические и яфетическо-индоевропейские.

Кардинальный вопрос, вопрос первой очереди, были ли чистыми яфетидами, хотя бы и скрещенными, или яфетидо-индоевропейцами все

наметившиеся средиземноморские яфетиды, т. е. не только пеласги, этруски и баски, но и ионы или ионяне и иберы?

Что касается пеласгов, этрусков и басков, у нас есть возможность использовать известное этнологическое явление для их ближайшей датировки, это их одинаковая принадлежность к эпохе народов-к, т. е. носящих племенные названия с яфетическим окончанием мн. числа к, и в связи с этим установлением единства эпохи их появления отнести пеласгов, как и этрусков и басков, к чистым яфетидам на основании анализа древнеионийского этрусского яфетического языка и живой баскской яфетической речи (17).

Остающихся иберов и ионов не объединяет и морфологический облик их племенных названий, если держаться тех форм этих этнических терминов, под которыми они искони известны на Западе. Эти народы терминологически сближает лишь то, что их названия «ибер», «ион» входят в состав гибридного кавказского этнического термина «ибероион», названия, очевидно, гибридного яфетида-индоевропейского племени, впоследствии уже просто эллина. «Ибер» сочетается с «ионом» для образования названия яфетида-эллинской помеси, впоследствии эллинского племенного объединения, как в другом случае с «ионом» сочетается «баск» для образования названия яфетида-армянской помеси, впоследствии армянского племенного объединения. Иберы с басками, имеющие, как яфетиды, свои внутренние особые соотношения близости и расхождения, в приведенных составных племенных названиях являются определителями одинаково яфетического племени.

Но как быть с ионами, в отношении которых вопрос о двурасовой гибридности, о принадлежности к народам яфетическо-индоевропейского скрещенного типа стоит особо остро? Ион впоследствии, понятно, означает просто эллина или грека, но иное дело в эпохи, о которых идет речь, и в крае, где тот же термин ион, равно ряд его разновидностей служит племенным названием чистокровных яфетидов. Да и в составе гибридных племенных названий — ионобаска, впоследствии названия армян, и ивероиона, впоследствии названия эллина, ион в отдельности, очевидно, означал не эллина, как и не армянина, а носителя индо-европейского этнического элемента, и вопрос именно в том, в виде ли чистокровного яфетида или уже скрещенной с индо-европейцем помеси появлялись ионы на Кавказе, и какие дары этнической культуры могли нести с собою ионы, как яфетиды, и к какой, следовательно, эпохе относится их движение на Запад.

Это вопросы, требующие освещения уже данными истории материальной культуры. Яфетидолог-лингвист может напутствовать археолога-вещевода разве некоторыми сведениями из языковых данных эпохи племенного творчества: ионское яфетическое племя, по самому его названию в местных яфетических разновидностях, связано неразрывно, как с то-

темом, в металлах — с «железом», а в животных — с «конем»: это яфетическое племя «железа» и «коней», т. е. позднейшей культуры. То же племенное название служит названием и печати-перстня; одновременно связанное с яфетической лингвистической почвой, откуда происходят и русский термин «печать»¹⁾, слово это печать-перстень является родственным и с ковким металлом, и пальцем: «ковкий металл», буквально — «пальцем образываемый предмет», «глина» и потом лишь по замене «железо». Та же основа означает «рождение», «сын», «дитя», «быстрый», «река». Если остановимся на терминах, выражающих плоды человеческого творчества, племенной культуры — железо и конь, то получаем определение времени. Конь это, понятно, не изначальное стяжание яфетической культуры. Даже при халдских царях, на Кавказе, впоследствии славившемся как богатый источник коневодства, кони более ограничены численно; по статистике военных добыч это не столь значительный процент животного инвентаря кавказских яфетидов. У всех яфетических народов Кавказа название коня одна и та же основа, основа названия нашего племени, и это племя — носитель гибридизации, важнейшей для нашей проблемы, именно, яфетическо-индоевропейской гибридизации. Это племя — в спирантных разновидностях его названия *hony* || *hony*, *hain'*ы (из *han*+*i*) → *hain* и *hen'*ы: это — эллины, это — армяне . . . Железо с гибридизации яфетидов с индоевропейцами, а до гибридизации медь? бронза? Племя медь — иверы; они еще, значит, чистые яфетиды. Мы намечаем, ничего здесь не утверждаем. Мы можем утверждать одно, и то в отношении лишь речи, о басках и этрусках, народах не только меди и бронзы, но и народах с явно чисто яфетическими в основе языками.

Следовательно, с яфетидами можно углубиться в культурные пласты Средиземноморья лишь до начала третьего периода языковой их жизни, до начала флективного периода, до переходной его эпохи, когда завершалась первая формация флексии с помощью местоименных элементов. Социально яфетиды были пережившими не только начальные стадии общности с аморфным синтетическим строем речи, но и первичный родовой или племенной быт с подлинным агглютинативным строем речи. Вещественно с яфетидами мы спускаемся до бронзового и медного века, можем углубиться с ними в районе Средиземноморской культуры до неолита, но кому в таком случае принадлежат памятники предшествующих эпох в том же районе, памятники палеолита или элиолита? Придется ли очистить место в те начальные эпохи хамитскому племени, населяющему южное побережье Средиземного моря, и на северном побережье или в те отдаленные периоды не только семиты, но и хамиты не были выделившимися из одной семьи с яфетидами, переживая еще с ними, нераздельно, или чистый агглютинативный или лишь аморфно-синтетический период

¹⁾ Н. Марр, *К самоопределению тальшей*, стр. 7.

своей психики и художественного творчества, куда мы относим не только творчество в звуках, творчество речи, но и творчество в линиях, творчество рисунка-орнамента и письма, тогда изобразительного идеографического. Это выходит за пределы нашей специальности, относясь к области материальной культуры, и мы ставим лишь вопрос; это тоже большая проблема о до-флективно-яфетическом населении очага Средиземноморской культуры. С нею неразрывно связан и вопрос о происхождении евреев и финикийян. Они семиты по языку, но это не решает происхождения их физического типа, как не решает вопроса об языке то, что антропологически баски более всего сближаются, по некоторым работам, с финикийцами.

Размах яфетических этно-культурных сил в ширь мы также сдерживаем в пределах, намечаемых определенными лингвистическими проблемами, связывающими страны и народы Средиземноморского культурного района с Кавказом, более того — совершенно конкретными яфетидологическими материалами. Для основной тезы, пожалуй, безразлично, представляют ли соответственные народы чистых яфетидов или скрещения того или иного типа, именно первичного с перевесом яфетической природы в речи, как, напр., армянский народ, или вторичного с перевесом индоевропейской природы в речи, как, напр., эллинский народ. Пусть разностепенны по причастности к яфетидизму малоазийские народы — фригийцы, ликийцы, карийцы, и европейские полуостровные народы этруски с пеласгами, баски с иверами. Все-таки это круг народов-языков, в котором нам дают полное право действовать наши лингвистические данные: скудны или обильны фракийские, ликийские, карийские, критские, этрусские и живые до современности баскские языковые факты, раз'ясняемые на яфетидологической конкретной лингвистической основе генетического родства с языками современного, древнего и архаичного Кавказа, в числе их и клинописными, они действительно бросают совершенно новый свет на 3-ью, не индоевропейскую и не семитическую, этническую подоснову в Средиземноморском творчестве мировой культуры.

Когда же мы обращаемся к памятникам материальной культуры, то они не только поддерживают нашу лингвистическую, казалось бы, сказку, а ведут нас дальше: вещевыми свидетельствами о динамике, о творчестве той же этно-культурной среды они выводят нас за очерченные пределы и на восток, и на запад, но опять таки в строго соблюдаемой связи с линией морского побережья.

Впрочем на Западе памятникам материальной культуры вторят и языковые наблюдения, поддерживая, на основании добытого материала о дальнейшем распространении то иберов (по вещественным предметам), то басков (по родству в языке), мысль о необходимости яфетидологических исканий и на Британских островах (18).

На Среднеазиатском и Дальнем Востоке иной счет с яфетидологическими данными, как они вскрываются лингвистической палеонтологией на Кавказе. Три хронологических типа, два из которых пережиты яфетической семьей в единении с другими, тогда еще не выделившимися из нее языковыми группами, три строя речи характеризуют три периода ее творческой жизни, аморфно-синтетический, агглютинативный и флективный; типологически сближается Кавказ в плоскости флективного состояния с Западом, с Средиземноморским населением Европы, а в агглютинативной и синтетической плоскостях со Среднеазиатским и Дальневосточным населением. Ограничивалось ли это родство с языками населения Средней Азии и Дальнего Востока типологическими нормами, или оно включает в себе, как в отношении Средиземноморского населения, и материальное родство морфологических воплощений? При наличных пока лингвистических методах исследования это не поддается учету, это лишь проблема, и мы оставляем ее в покое, оговорившись лишь, что тот или иной ответ на вопрос о миграции человечества, в частности и о первоначальной родине яфетического племени, уже выделившегося, в значительной мере зависит от решения этой проблемы.

На связи же внутри круга, очерчиваемого компетенцией яфетического языкознания, памятники материальной культуры вещественно поддерживают лингвистически устанавливаемые связи Средиземноморских народов на единстве их племенной подосновы, этого 3-го этнического элемента. Если от звуковой вибрации перейти к движениям в играх, — вот игра в мяч, народно-национальная, общая у европейских яфетидов, так басков, не только с Переднеазиатскими яфетидами, особенно на Кавказе, но и со Среднеазиатскими яфетидами на Памире, на «Индийском Кавказе». Яфетическое языкознание утверждает о скрещенном типе яфетических языков Европы, в числе их и баского; независимо от яфетического языкознания о мешанности племенного типа басков, в связи с весьма ранним скрещением — говорят этнографы, уже о скрещении физическом говорят и антропологи.

В иберском племени антропологи признают этническое скрещение тройное, брахицефальных с двумя видами долихоцефальных, и вторым долихоцефальным типом население Пиренейского полуострова объединяется с такими Средиземноморскими островами, как Корсика, Сардиния и Сицилия.

Пережиточно проявляется в зрелищах этнографического порядка, также объединяющих Пиренейский полуостров с островным этапом прохождения яфетидов-иберов на запад, культ быка. Разумеется, не общий характер культа быка, а определенные районы его распространения и особые типологические его признаки, наблюдаемые в отражающих его памятниках материальной культуры Испании и Крита, могли бы поддержать связь Средиземноморья с яфетическим миром Кавказа и вообще

Передней Азии, где тот же культ едва ли можно разлучать с тем, что «бык» у яфетидов означал, как устанавливается лингвистической палеонтологией, и д у ш у.

Не естественен ли первый порыв провести знак равенства между народом, положившим конец микенской эпохе внесением железа на смену бронзе в южную и западную Европу, и яфетическим племенем-железом, ионянами, скрещенными уже с индо-европейцами или еще чистыми (19)?

Можно поддерживать лишь вещественными памятниками связь движения яфетидов металлургов бронзового века с вселением иберов в пределы Пиренейского полуострова, ярко роднящегося с Критским и вообще Эгейским районом в памятниках бронзового века, т. е. материализованных отложениях на тех этапах переселенческого движения, которые были пройдены яфетидами, не только иберами, но и этрусками, на пути их миграции на Запад, морем прямо или с вхождением с южного материкового пути в островные его пункты (20).

Те же лингвистически утверждаемые связи Средиземноморья с яфетическим Востоком вскрываются, наконец, и типом погребений и реальными чертами таких общественных явлений, как матриархат с господством женского начала не в одном пантеоне, с полиандрией, оберегающей от кровосмешения, а также с разыгрыванием мужчинами родов — *couvade*, характерной бытовой древностью, отмечаемой у иберов западных (Страб., III, 4, 17) и восточных, малоазийских тибаренов (Аполлон., II, 1013). О той же связи говорит подбор культовых животных, не исключая и ков, тотемных четвероногих, играющих большую роль не только на Крите, в районе эгейской культуры и в западной Иберии, но и в определенных приморских полосах Востока, так, напр. у абхазов, этих кавказских пережитков народа басков. Сюда-же относится и техника с частностями—формами орнаментов, фигурами из бронзы, и сам материал.

С металлами, да и драгоценными камнями, яфетиды несли и «слоновую кость», название которой, даже латинское *ebur*, яфетического происхождения, в основе означающее, в какой бы звуковой разновидности его мы не имели, одинаково — «зуб». И, когда речь о вкладе яфетидов в культуру Запада, вопрос не в самом веществе, а в знании вещества, в его первом определении-термине и техническом использовании, т. е. актах, порождениях потребностей и развития металлургической жизни, с которой яфетический мир спаян неразрывно всеми фибрами своей природы-речи, да и всеми объективными свидетельствами, из каких бы только мирового значения источников, не исключая литературных, ни шли относящиеся к вопросу показания. Это знание, вытекавшее из самой этно-культурной еще их жизни, из потребности раздобыть материал-пищу для самого своего существования и могло только двинуть яфетидов в переселенческий путь определенного направления. Яфетиды, народы-металлурги вне спора, нуждавшиеся в металлах прежде всего для раз-

личных видов своего племенного хозяйства, в особой степени-земледельческого, по исчерпанию залежей руд у себя, в родной стране, или по обнаружении их технически-качественной недостаточности, в поисках новых шли на Запад (да и на Запад ли только?), двигались, как пастушеские кочевые племена в поисках за пастбищами. Это была эпоха не великого переселения народов, а великого расселения яфетического племени, с длительным процессом стоянок на определенных пунктах и лишь, по использовании очередного пункта как этапа, с возобновлением движения и дальнейшего расселения. Яфетиды двигались, расселялись и утверждались там, где находили месторождения потребных металлов и девственно-богатые природные условия для всего того сложного хозяйственного уклада жизни, который был связан с основой-источником их племенной материальной культуры, металлургиею, взрастившей их общественность, их религию, их психологию. Но мы уже и без того слишком ушли в область не нашей специальности: это памятники материальной культуры Средиземноморья. Правда, памятники материальной культуры первые вынудили ученых заговорить о третьем этническом элементе, об яфетическом племени, о связи их с Кавказом, и пусть и далее специалисты по вещественным памятникам доскажут то, о чем они первые заговорили.

Наше построение можно бы поддержать, пожалуй, не единичным литературным свидетельством из подлинных источников истории, насколько у подлинной истории хватает памяти для таких углубленных в прото-историчность и до-историчность отдаленных времен, но было бы не стильно, не выдержано с нашими сказками ссылаться на достоверную историю. Нам к лицу более опираться на сказки.

Наиболее авторитетный в делах прошлого человечества Средиземноморский народ первые достижения, самое начало культуры — изобретение огня в своих сказках связывает с Кавказом, яфетическим, судя по названиям, Кавказом.

Металлургия, медь, бронза, железо и т. д. присваивается опять таки изобретательному яфетическому Кавказу и по преданиям того же Средиземноморского народа, эллинского, и по живой старине еврейского населения Палестины, которое также нельзя исключить из числа Средиземноморских народов (21).

И греческий и латинский мир Запада в связи с металлургическим значением огня сохранили нам родные для них имена Гефеста и Весты, божества огня и очага, и вот как эти собственные имена, так стоящие с ними в неразрывной генетической связи нарицательные имена, греческие и латинские термины материальной культуры, названия очага и т. д., объясняются яфетическим языкознанием как яфетические корни, яфетические формы, яфетические слова, означающие светило, пламя, огонь, очаг и т. п.¹⁾

1) Раз'яснение этих терминов составит особую работу.

Огонь, искра в представлении яфетидов не только тот элемент, без которого невозможна физическая работа над добыванием и обработкой металлов, но и тот элемент, без которого невозможна умственная работа, т. е. человеческое существование. «Искра» и «мысль», «свѣтъ» и «мудрость» по яфетическому корнеслову одно и тоже слово. Изобретение огня, похищение его и с к р ы с неба, под таким в корне углом зрения яфетического Кавказа, откуда происходит сказание о Прометее, можно бы понять как стяжание р а з у м а, сотворение мыслящего человека.

Сотворение человека по библейской сказке, находящей параллель, согласное изложение в независимой греческой передаче Кавказского яфетического сказания, вообще страницы Библии о мироздании представляются происходящими из яфетического фольклора.

Распределение народов, первое после потопа, приурочивается к Кавказу. Это, конечно, сказка, как и то, что ковчег остановился на горе Арарат в Армении. Это настолько невероятная сказка, что мы, ученые книжники, не обращая внимания на относительную высоту вздымающегося на равнине Арарата, хотели гору-устой сказочного ковчега создать из менее бросающейся в глаза горы на юге позднейшей исторической Армении, из горы Карду, лишь бы приурочить и ковчегную гору, и ковчег нашим готовым научным, в корне анахронистическим представлениям о первенстве «семитической» Сирии. Между тем гора Арарат на месте есть гора яфетидов халдов или карду, и гора яфетидов басков, как до сего дня называют армяне Араратскую гору, в армянской разновидности — Масик || Масис, приурочивая название «Арарат», т. е., значит, «Урарту» или «Расен» || «Этрусск», равнине, над которой возвышается как предвечный страж ковчегная гора.

Столпотворение также сказка: «На всей земле были один язык и одно наречие» (Быт. 11, 1), «И сказал Господь: вот, один народ, и один язык у всех» (Быт. II, 6), «Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого» (Быт. II, 7).

Но эта сказка — сказка яфетической действительности. На всей известной культурному тогда миру земле, от Кавказа и Малой Азии до Пиренейского полуострова, был один язык, язык одной яфетической семьи, с семитами не были еще разобщены, хотя и они были выделены. Удар по единству яфетического мира был нанесен, может быть и раньше, но последний «уничтожающий» удар — *coup de grace* — индоевропейское вторжение, за которым последовали смешение с процессом гибридизации, нарождения новых скрещенных языковых видов и иссякание взаимного понимания.

Процесс так называемой индоевропеизации, на самом деле новотворчества в языках, подлинной глоттогении происходил одинаково как на Востоке, в Передней Азии с Кавказом в ее пределах, так на Западе в при-Средиземноморской Европе. Здесь процесс осложнился, усилился позднее,

когда семиты с хамитами были уже давно выделившимися из семьи яфетидов, новыми волнами индо-европейцев. Средиземноморье разбилось на восточное Черноморское и Западное, с Эгейского моря на запад. Малоазиатские, островные и полуостровные яфетические языки европейского Средиземноморья, языки народов-творцов той культуры, которая предшествовала нашествию индоевропейских варваров, на вид уничтоженные, не отошли в мир небытия, не умерли, а, использованные в процессе новой этногенезиса и новой глоттогенезиса, ушли в быт и природу-речь, естественно, и в психику вновь народившихся народов. Созидатели до-эллинической и до-римской Средиземноморской культуры не переставали участвовать в созидании всей европейской мировой культуры. По данным яфетического языкознания ничто раз созданное не погибает в мире: скрещивание и гибридизация до сего дня сохранили, в трансформированных видах, и психологию и речь третьего, т. е. яфетического элемента в составе как древних — эллинов, римлян, так позднейших — романских народов, этих столпов в творчестве европейской мировой культуры.

Я вскользь упомянул о внешней формальной типологической связи, роднящей кавказский и вообще яфетический мир с населением Средней Азии, Дальнего Востока, а на юге — с Африкой. «Яфетиды» тех пережитых эпох собственно были не яфетиды, а собрание многоплеменной семьи: эта семья носила в себе и яфетидов и родственные с ними группы, она не разрешалась еще ими. Я ни слова не проронил о том, что интимно роднит Россию, ее Юг с Средиземноморской мировой культурой, ее первичным созидателем-племенем, подлинным яфетическим, этническим элементом, без межи соседящим с Россией, третьим этническим элементом на ее юге, т. е. не проронил я ни слова о прото-скифском, прото-сарматском, прото-хазарском и тому подобных вопросах. В них, в работах о них, тот запас материалов, в которых естественно рождаются без чужого призыва стимулы к исканиям и научному творчеству. Ведь и истина высекается не из ученого, а из материалов.

Проблема — большая, эта проблема в целом, как она связана с яфетическим языкознанием. Да и одна Средиземноморская этническая проблема обширна по открываемым ее яфетидологическим освещением перспективам и по возникающим в связи с ними многочисленным вопросам, а еще больше по необъятным, самым разнородным материалам, насыщенным искрами возбуждающего творчества. Работа, нужно ли говорить, не по плечу никакому ученому — один в поле не воин.

Нужна большая целесоответственная исследовательско-научная организация(22). Опять новый проект института? Да сохранят нас небеса. А вот Академия Материальной Культуры? Совершенно верно выразились про мою теорию ценявшие мою археологическую деятельность академики В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов: «слово сказано». Слово сказано, но дело не сделано, да и слово не доска-

зано. Сделать дело значит восполнить исследованием исторической материальной культуры лингвистическое освещение проблемы, дать жизнь сухому скелету. Но этого мало. Предстоит еще гораздо более тяжкий труд: долг наш освободить умы, не подготовленные знанием яфетидологических материалов к конкретному восприятию теоретических построений яфетического языкознания, от естественной для них необходимости даже в указании на повседневную европейскую действительность азиатского происхождения видеть лишь мираж Востока, тем более, когда речь о мало или вовсе неизвестном ученому миру яфетическом Востоке.

Не думают ли мои коллеги, что разряда Академии Истории Материальной Культуры — «Кавказ и яфетический мир» достаточно, чтобы справиться с такой обширной проблемой, в каком бы ни было скромном сечении или отрезке? Если так понимать назначение Академии Истории Материальной Культуры, то моему вступлению в ее состав нет никакого оправдания: для индивидуальных предприятий более, чем превосходно устроен ученый работник в Академии Наук, где в этом отношении идеальная постановка дела.

Но организация Академии Истории Материальной Культуры рассчитана на совершенно иной тип работы, на коллективное разрабатывание научных вопросов, на вхождение в исследовательский процесс не специалисту руководителю лишь с его ассистентом и сотрудниками, а всем ученым Академии по степени касательства вопроса к их специальности. Здесь объединение не лиц, а самих работ еще в процессе их развития. В Академии Истории Материальной Культуры как будто уже налаживается такая коллективная работа даже между натуралистами и гуманитаристами.

Институт Археологической Технологии это учреждение, показывающее в деле флаг, под которым должен плыть и наш исследовательский корабль. На корабле Института нашелся уже коллективный дух-рулевой, берущий направление, которое надлежит взять и нам. У Академии Истории Материальной Культуры еще много дела по своей организации. Творя исследовательское дело, имея в одной руке то добывающую материалы раскопачную лопатку, то дробящий, анализирующий молот, другой она не может не владеть созидающим молотом, не творить научных ценностей по истории материальной культуры, а это ей указывает совершенно определенное место в общем строе республики: Российская Академия Истории Материальной Культуры, связанная с материалами прежде всего российскими, исследует и научно способствует исследованию охране памятников исторической материальной культуры нашей страны; но она же созданными ею научными знаниями содействует более совершенному художественному и техническому творчеству нашей же страны, входя в живое общение с ее производственными пунктами, с которыми у ней должны образоваться целесообразно организованные способы взаимобобщения. Это единственный путь для Академии внедрить себя в составе

существующей общественности, не остаться вне жизни, вне возможности в полном объеме осуществлять свои научно-исследовательские задачи. И для оправдания возлагаемых и моментом и общей ее конструкцией задач, в первую голову надо найти ось своего независимого научного вращения, движения и прогресса, как для своей внутренней организации, так для вовлечения не только своих разрядов, но и вне ее стоящих однородных с нею учреждений в это единое, мощное научное движение-творчество, предоставляющее место для параллелизма лишь отсталым, реликтовым элементам. Академия сама должна найти пути и встать твердо на них, чтобы положительными результатами, плодами своей творческой работы, вносить вклад красоты и историческим опытом проверенного технического совершенства в экономическо-хозяйственную жизнь страны, чтобы самостоятельные свои научные искания расширить заданиями непосредственно жизненного значения. Несомненно, для такой деятельности нужны не только новые, но и свежие силы, свежий воздух. Воздух сперт у нас и душно в научном мире, особенно в мире духовного изучения материальной культуры не извне, а внутри. Наша даже творческая на вид, призывающая к дерзанию речь становится мертвой фразеологией, так как в нас уже по возрасту сидит ищущий покоя человек, ветхий мыслитель. И вот почему в полном убеждении, что Российскую Академию Истории Материальной Культуры, имеющую за собою лишь год бурного организационного существования, ожидает громадное будущее, а ее настоящее должно немедленно перейти в руки имеющих остаться и в будущем ее работников, т. е. молодых сил, отъезжая или собираясь уехать, я с удовольствием вспоминаю завет грузинского поэта, также яфетида, кавказского баска или месха: «Когда час пробил ухода, то не следует временить, немедля надо уйти».

Примечания

К 11 стр. 1) В первый момент я невольно ограничивал пределы смены культурно-носных народов Кавказа кругом племен определенной нации, как это можно видеть по брошюре публицистического характера «История Грузии (культурно-исторический набросок)», ПБ. 1906.

К 12 стр. 2) Факты, вынудившие отказаться от прежней точки зрения, отчасти выступают в готовой для печати работе по Ком. Изучения Племенного Состава касательно отложения племенных названий в географической номенклатуре Кавказа.

К 19 стр. 3) Даже так поздно, как 1899-ый год в брошюре *Zur heutigen Sachlage der Ethnologie*, с широкой постановкой вопроса о привлечении в круг глубокого научного ведения этнографически ценного материала по представителям первобытной культуры, Бастианъ жаловался, что 37 существовавших тогда санскритских и индогерманских профессур исключительно посвящали себя филологии, т. е. говоря лингвистически, ставили в главу угла научного изучения человеческой речи мертвые языки. Жизнь, конечно, старалась делать поправки к завещанной постановке дела в школе, и в Индии создавалось руководящее общество по живой этнолого-лингвистической работе в лице Asiatic Society of Bengal, накопившего драгоценный материал, также у нас в Тифлисе в несколько ином порядке, именно административно при Кавказском учебном Округе в виде серии «Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа», но это делала жизнь под давлением своих требований, а не школа.

К 21 стр. 4) Однако это психологическое сродство исследователя с объектом изучения не является нисколько решающим моментом в успехе исследовательского дела, и в этом смысле не могу вполне согласиться с Н. S. Wells'ом, когда он пишет (*The Outline of History*, стр. 93—94): «арийская (т. е. индоевропейская или ариоевропейская) семья языков значительно лучше понята, чем какая либо другая, по той простой причине, что она была более сродна (*familiar*) и доступна европейской науке. Другие семьи были менее проникновенно (*thoroughly*) исследованы, так как их не изучали исчерпывающе люди, привычно пользующиеся ими, с мышлением, построенным так, чтобы быть ключем их строя. Даже к семитическим языкам подходим в неблагоприятных условиях, так как мало иудеев, мыслящих по-еврейски». Трудно согласиться в полной мере с автором этого мнения, так как еще не установлен факт (не для меня одного сомнителен), будто индоевропейская семья языков лингвистически значительно лучше понята. Ею, правда, несравненно много занимались, но лингвистический успех и неуспех в исследовании не столько зависит от психологического сродства исследователя с исследуемым материалом, сколько от правильного метода, создаваемого в конце концов природою исследуемого объекта.

К 25 стр. 5) У нас много помех в работе этой, в установлении связи между словами по ассоциации не понятий о предметах, а форм их и представлений о них и в выяснении ограниченности самой фонемно-материальной части словаря первобытной речи. Наибольшее препятствие чинит не трудность самих изысканий или недостаток в наглядных данных, а наше научное мышление, скованное традиционным филологическим или культурно-историческим мировоззрением, не воспитанное на этнолого-лингвистическом восприятии живой речи, ее безбрежно свободных творческих переливов. Потому-то в самом начале настоящего доклада я выдвигаю как потребность момента — создание

работников, свободных от устаревших лингвистических воззрений, вполне независимых и, естественно, более смелых мыслителей яфетидологов на смену нам, неспособным смотреть на явления вне традиционных шор. До чего и мне, перед которым открывался впервые этот новый мир, трудно было и не удавалось не быть ниже положения, я мог бы иллюстрировать на целом ряде примеров. Остановлюсь на одном случае из работы, только что выпущенной в свет — «Надпись Русы II из Маку»: почти целую страницу (стр. 23—24) посвящаю вопросу, так и не решенному, какое из двух созвучных, но различных слов, означающих и «рука», и «бог», употреблено в разбираемом месте, тогда как мне следовало сразу же признать, что это не два различных, а одно и то же слово, именно «рука» и «руки» и оно же значит «бог», собственно «боги».

К 26 стр. 6) Также основы в а) $\dot{q}sen$ — глагола $\dot{q}sen-eb-a$ упоминать, докладывать, в) $\dot{q}sov$ — глагола $\dot{q}sov-n-a$ помнить, от корня $\dot{q}sn$ ($\parallel \dot{q}sl \rightarrow$) $\dot{q}sv$, — существительное «ухо»: «я помню», «мне вспоминается» — ($ma-\dot{q}sov-s$, $me-\dot{q}sen-eb-a$) собственно значит «у меня ухо», «у меня делается ухо» (яф. корень $\dot{q}sn$, ср. сем.

$\dot{a}zn \parallel \dot{a}dn$, напр. арб.; $\dot{a}zn$ $\dot{a}dn$ *ухо* и т. п.).

К 27 стр. 7) Наглядность и яркость до-исторических переживаний, периодов первобытности физико-психологической и социально-психологической, в языках яфетической семьи, вовсе не означает, что яфетическая семья, флективная, одновременно и аморфно-синтетическая и агглютинативная. Будучи флективной, эта семья лишь с этим третьим флективным периодом и получила свое яфетическое рождение, с ним она и выделяется из общего ствола в то время социально-психологически переживавшегося периода агглютинативного состояния. Вопрос другой, как называть за этот агглютинативный период весь ствол языков, в числе которых прегнантно находились и яфетические, равно — как называть его за предшествующий еще раньше пережитый период развития человеческой речи, аморфно-синтетический, когда не выделившиеся яфетические и родственные с ними еще до флективности языки составляли один ствол еще более многочисленных языковых групп, семью еще с большею чреватостью по предстоявшим образоваться и выделиться из нея представителям человеческой речи.

К 30 стр. 8) Евр. « $r\ddot{k}ia'$ » [$r\ddot{k}ia$ \swarrow $r\ddot{k}iak$] в st. с. происходит от яфетического корня, эквивалента яфетических же по спирантной ветви разновидностей — корней $rkn \parallel rkd$ ($\leftarrow rkd$) $\rightarrow rkd$ ($\rightarrow rkr \parallel hkn$) и т. д., откуда не только многочисленные яфетические термины материальной культуры, названия железа и железных, герм. металлических предметов, но и, напр., армянские названия неба — $erkin$, букв. (небо-железо) (это же слово и у самих чанов в форме $erkina$ в составе названия вторника), и земли — $erkir$, букв. (земля-) железо и т. п. (Н. Марр, *Яфетические элементы в языках Армении*. I. Происхождение хайских слов: $e-rkin$ небо, $e-rka\ddot{d}$ железо, $art-a\ddot{d}$ серебро, $hariwt$ сто, Изв. Ак. Наук 1911, стр. 137—145, но и здесь материалы даны частично и изложение сделано согласно теперь пережитому уже кругозору и устаревшими отчасти терминами). С этим раз'яснением вовсе не отпадает связь термина « $r\ddot{k}ia'$ » с сем. корнем « $r\ddot{k}$ » ($\dot{r}\ddot{k}$) «топтать», «бить и расширять» и лишь в форме Pi «ковать», но этот глагольный корень вовсе не первичный, сам он нуждается в раз'яснении, как отыменный, с нашим же названием металла связан, как вскрывает сравнительная фонетика яфетических языков, другой сем. корень — $k\ddot{d}$ *ковать*.

К 31 стр. 9) «Ионо-баск» и «иберо-ион», точнее йон-баск и ибер-йон представляют этнолого-лингвистически (а не, разумеется, культурно-исторически) точную и формально- и материально-реальную передачу, более известными в научной среде эквивалентными этническими терминами, гибридных племенных названий, сохраненных яфетическим миром Кавказа, первый — племенного названия «со-мех» ($\leftarrow so-meh\dot{q} \parallel son-mes\dot{q}$) армянин, второй — племенного названия «бер-дзен» ($\leftarrow hiber-\dot{d}en$) грек, см. Н. Марр, *Армянский термин arqay* [«маг» \parallel жрец \rightarrow «жрец-вождь» \parallel «жрец-царь» \rightarrow «вождь»] «царь», его же об армянском названии Ориона.

К 32 стр. 10) Об яфетическом происхождении самого племенного названия $pelasg$ см. Н. Марр, *К вопросу о происхождении племенных названий «этруск» и «пеласг»*, где намечается к раз'яснению и то, в какой неразрывной связи находится с этническим термином $Pelasg$ греческое название аиста — $\pi\epsilon\lambda\alpha\rho\gamma\acute{o}\varsigma$ — не только формально, но и реально.

К 32 стр. 11) Для наблюдателей социальных явлений через призму жизни, равнотворимых самой жизнью памятников материальной культуры, отнюдь не может представить какой либо ошеломляющей новизны яфетидологическое наблюдение неустрашимой в речи живучести унаследованных психологических элементов (а с ними, поскольку дело касается языка, — фонетических и морфологических явлений). В этом смысле для нас интересно утверждение известного итальянского археолога о значении этрусского племени, по нашим изысканиям яфетического, в деле тосканского возрождения искусств S. A. Milani. *Il R. Museo Archeologico di Firenze*, т. I, 1912, стр. 19): *ché la vita et l'eredità etrusca non cessa con la battaglia del Vadimone (309 e 283 a. C.), nè con la caduta di Volsini (265 a. C.) e di Falerii (241 a. C.). Essa continua anche dopo la conquista dei Romani e la conseguente assimilazione: anzi la scintilla atavica degli Etrusci dura e resiste latente attraverso tutta l'età romana, fa capolino di quando in quando perfino nella barbarie del Medioevo, e infine si sprigione anche una volta libera, dandoci la vita e l'arte del Rinascimento toscano».*

К 33 стр. 12) Про баский язык теперь нельзя уже говорить, что в нем об'единяются два неблагоприятных для его изучения условия: во-первых, то, что он изолирован и, во-вторых, то, что исследователи могут изучать его лишь за ограниченный промежуток времени (W. J. van Eys, *Dictionnaire basque-français*, стр. 11). Однако, дело совсем не в том, что нами высказывалась бы новая безотносительно мысль. Как уже указано в предварительном сообщении о результатах моих яфетидологических наблюдений (прот. VIII заседания Отд. Исторических Наук и Филологии Рос. Академии Наук 28 апреля 1920, стр. 76), сближение баского языка с одним из кавказских (яфетических) языков имеет давность более одного столетия. И последние годы на Западе предпочитали возвращаться к той же мысли о кавказском родстве баского. Любопытна новейшая постановка того же вопроса в Западной Европе по прошлогоднему выпуску популярного сводного труда Н. G. Wells'a *The Outline of History*, с которым, благодаря любезности акад. † Шахматова, я имел возможность ознакомиться по изготовлении настоящего доклада. Английский ученый пишет (стр. 92): «Долго баский язык был источником глубокого смущения ученых. Характер его строя внушил мысль, что у него может быть отношение к какому либо амер-индийскому языку. А. Н. Кеане в *Man Past and Present* группирует основания, чтобы спаять его родством, хотя бы и дальним, с берберским языком северной Африки и через берберов с общим стволем хамитических языков, но эта связь оспаривается (is questioned) другими филологами. Последние находят большее сродство баского с некоторыми подобным же образом заброшенными следами речи (similarly stranded vestiges of speech), находимыми в кавказских горах, и они склонны рассматривать его как очень изношенный, принявший своеобразный вид пережиточный последний член широко-раскинувшейся группы пра-хамитических языков, в остальной части света вымерший (extinct). На этом то, предполагают они, говорили главным образом народы той Средиземноморской расы (люди с кругло-курганскими погребениями — round-barrow men), которая занимала некогда большую часть западной и южной Европы и западной Азии.

«Вполне возможно, что по западной и южной Европе 10 000 лет тому назад распространены были группы языков, совершенно исчезнувшие перед арийскими языками. Позже, затем, мы должны мимоходом отметить возможность трех утраченных языковых групп, представленных 1) древне-критским, лидийским и подобными (однако касательно древне-критского, лидийского и им сродных Sir H. N. Johnston говорит, что они могли бы принадлежать к баско-кавказско-дравидийской (!) группе), 2) шумерским и 3) эламитским. Высказана была также мысль, и это не более, как догадка, что древний шумерский мог бы быть связующим звеном между первичной баско-кавказской и первичной монгольской группами. Если это правда, то в этой баско-кавказско-дравидийско-шумерско-монгольской группе мы имеем еще более древнюю, раннюю систему еще более дальней прародительской речи, чем основная хамитская. Мы в ней имеем речь «элиолитической культуры». И в этом «последнем» слове западно-европейской науки, таким образом, опять витание в области общих типологических сближений без материального обоснования на частных конкретных данных, на определяющих обсуждаемые виды речи фактических явлениях. У нас же получается возможность определить материально-реальный баский язык как таковой, и уже определяем его с указанием той группы, к которой баская речь относится, точнее —

тех наличных кавказских представителей этой группы, с которыми баскская речь находится в особой тесной первичной генетической связи. Об отношении баскского языка к яфетическим пока можно получить представление по цитованному выше (стр. 49) моему сообщению в Академии Наук под заглавием «Об яфетическом происхождении баскского языка». О положении дела до этого момента более ясное представление можно получить по следующим строкам G. Wilke (*Südwesteuropäische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient*, Würzburg 1912, стр. 157): «Столь же мало, как и антропология, смогло языкознание рассеять мрак, покрывающий древнейшие отношения населения Иберии. Правда, античные писатели передают нам некоторые иберские слова, с которыми однако не много можно предпринять, ни к чему не привели до сих пор и весьма многочисленные, хотя и скудные данными иберийские надписи, которые остаются почти полностью неистолкованными, да к тому же они содержат большей частью одни имена. Совершенно неясно еще, куда по языку относятся баски, которые себя называют Eskaldunak'ами или Euskaldunak'ами (т. е. людьми, говорящими на языке Euskara), и язык которых наиболее и поддается сравнению с индийскими языками Америки из-за, можно сказать, чрезмерной агглютинации (Whitney, *Leben und Wachstum der Sprache*, стр. 275). Отмечено, что проф. Rhys старался вскрыть родство пиктского, по его взгляду не индогерманского языка, с баскским на основании некоторых, конечно, весьма скудных древне-британских надписей, приписываемых древним пиктам, причем это мнение получает известное подтверждение в том, что как у иберов, так у пиктов (Zimmer, *Zeitschr. für Rechtsgesch.* 15, стр. 209 слл.) природно существовал матриархат, ни у одного индоевропейского народа пока недоказанный».

К 34 стр. 13) Pilot-u-a, resp. pilot-u ← *polot-ur от *polot (Ншип. muruḡ-ḡ- (← *moroḡ-ḡ- || свист. marg (mask || vask-) звезда, откуда, помимо м. masq-ur гороскоп, др.-л. г. me-marg-e звездочет, кудесник, пророк и др.-л. арм. marg-ar-e-y [звездочет, кудесник], пророк (см. Н. Марр, *Яфет. происхождение арм. слова margarey «пророк»*, а также *Армянский термин arḡau* и др.) и отложившееся в языках же Армении, рядом с margarey, бәшк (← burešk, resp. *borošk) в р а ч, собственно («руководствующийся») звездой», следовательно, и «кормчий», с каким значением баскский термин отложился, следовательно, во французском. Современные баски слова уже не знают: его сохранил своим толкованием Biard, *Relation de la nouvelle France*, Париж 1616 (стр. 80—81: Pilotoy-s), да у него же — Reuben Gold Thwaites в одном месте «a Basque word, meaning sorcerer, corresponding to the native a outmoïn» (Примечания ко II т.), в другом — «Basque appellation of medicine-man» (Index, стр. 235). Выследивший столь ценный термин P. Lhande, отмечая неизвестность этого выражения (expression) в современном баском, его отсутствие в словаре Azkue объясняет гадательно тем, что сходство с французским pilote смущало, могло вызвать сомнение в действительной принадлежности слова баскому: «peut-être n'a-t-elle pas été exclue de ce consciencieux recueil que pour son inquiétante ressemblance avec le mot français pilote» (ц. с., стр. 47). Сопоставление с греч. πῆδον весло, собств. πῆδαλιον руль, πῆδαλιούχος рулевой отпадает семасиологически (значения «знахарь», «кудесник», «врач» при такой этимологии не понять), помимо того, что оно представляет фонетические затруднения, да к тому же вообще само πῆδον с πῆδαλιον «неизвестного происхождения» (L. Meyer, *Nb. d. Gr. Et.*, s. v.), если не держаться линии все в греческом объяснять во что-бы то ни стало из греческого же и индоевропейских материалов, хотя бы ценой такой этимологии, какая, напр., предложена у Prellwitz'a (*Et. Wb. d. gr. Sprache*, s. v.). Впрочем до сих пор не имеет удовлетворительной этимологии даже κυβερνάω || gubernō!

К 35 стр. 14) См. Н. Марр, *К вопросу о происхождении племенных названий «этруск» и «пеласг»*. Во избежание недоразумения прибавлю здесь, что русские прилагательные к племенному названию «этруск», как и «баск», произвожу от их чистой основы — «этруск»- (|| «этрур»-), «бас», почему и получают формы «этруск-ский», «бас-ский», я не решился однако соответственно и для «пеласг» произвести по-русски прилагательное от его основы «пе-лас-»: «пеласский». Мне известно, в какой степени наше яфетидологическое освещение переселенческого вопроса об этрусках-расенах-пеласгах идет в разрез с историческим построением Эд. Мейера, с его твердым решением, во что бы то ни стало, причислить пеласгов к индоевропейцам, опорочив показание Гекатея об их варварском происхождении. Однако, со многими другими, отнюдь не яфетидологами, S. Reinach, и сам далекий от каких либо яфетидологических зна-

ний, отстаивает не без основания достоверность Гекатея ссылкой на ряд подтверждающих его данных и писателей, не исключая и Геродота, как то наглядно выявляет следующий отрывок из заметки французского археолога по поводу работ Meyer'a, *Forschungen zur alten Geschichte*, Halle 1892, и II-го тома *Geschichte des Alterthums*, Stuttgart 1893 (Anthrop., 1893, т. IV, No. 5, стр. 592): «В глазах Геродота дорийцы единственные чистые эллины, так как их родословие восходит к Дору, сыну Эллина. Все другие греческие племена имеют до-эллинских предков — Инаха в Аргосе, Пеласга в Аркадии, Кекропа в Афинах и т. д. Следовательно, в начале все эти народы были пеласги, и это высказывается открыто касательно афинян, ионян, эолийцев Азии, аркадян, обитателей Додоны. Дети Эллина только и сделали, что эллинизовали пеласгическую Грецию. Геродот же знает в Корфоне (?), Плакии и Скилаке (на Мраморном море) людей, не говорящих по-гречески. В действительности, это тирсены, как, напр., население Лемноса, но Геродот их определяет как пеласгов и из этого заключает, что они варвары. Судя по его словам, дело обстоит так, точно все обитатели Греции в начале были пеласги, что они, эллинизируясь, разучились говорить на родном языке». «Если такому пониманию природы пеласгов, их первичности в составе населения Греции и в связи с этим их первобытности, их роли как первых инициаторов цивилизации, как то и явствует из слов Геродота, не вполне вторят греческие писатели, то кроме Гомера, Геродота, Эсхила и прочих, имеются сами слова греческого языка, имеется географическая номенклатура. Если пеласги просто-на-просто греческое племя Фессалии, как происходит то, что его название необъяснимо? Как объяснить то, что Ларисса, Аргос, Лемнос не менее упорно сопротивляются этимологиям, чем названия, которые мы встречаем в Греции, на островах, по побережью Малой Азии? Это целая серия названий мест со странными окончаниями, не имеющими абсолютно ничего общего с греческим (Pauli, *Eine vorgriechische Inschrift aus Lemnos*, 1886). Древние неоднократно отождествляли пеласгов, мелегов и карийцев; новая филология признает, что этим термином следовало обозначать говорящие на языках одной семьи племена, единство которых свидетельствуется топонимиею, ей удалось быть в состоянии установить, благодаря лемносской надписи, что эти языки, вероятно, были сродны с этрусским. Следовательно, когда древние отождествляли этрусков с пеласгами, они не делали комбинации с ветра, и презрение Мейера к их науке, быть может, не делает чести его собственной науке в той мере, в какой он то думает». Нужно ли прибавлять, что мы не можем мириться с тем, чтобы пеласги трактовались как не определенный яфетический народ, и мы не можем именовать так все не-греческие варварские племена в составе населения Греции, хотя бы из круга поддающихся определению, как яфетические. Такому унитаризму не дает основания и геоэтническая терминология греческого культурного района, когда мы рассматриваем ее под яфетидологическим углом зрения и подходим к ее анализу с яфетидологическими приемами и средствами.

К 36 стр. 15) Нашей настоящей тезы в ее культурно-исторической обстановке не касается непосредственно, что «кажущаяся» связь может оказаться и действительной, если докапываться этнолого-лингвистически до начальной истории термина в ту эпоху, когда луна и солнце представлялись двумя разновидностями одного явления, братом (луна) и сестрой (солнце), «когда оба светила являлись очами, одно — «оком небес ночным», другое — «оком небес дневным», и потому солнце с луной могут быть известны под одним и тем же названием, в связи с этим и вообще требуется пересмотр дававшихся уже яфетидологических толкований, раньше лишь формальных, *Tivar-en* и т. п., со включением *Sispir* || *Ispir* (← *Hispir*), а равно с разъяснением отношения к ним металлургического грузинского термина *ფიფ-ფე* (← *ფიფ-ბე*) → *ფიფ-ფე* (← св. *ფიფ-ბე*) *железная медь, латунь*. Слово с самого начала казалось составным, и исходя из грузинско-мергельской лексики, мы понимали его в смысле «металла цвета (г. *ფე*) луны (м. *ფიფ-ა* *месяц*)»; мы предполагали, что достигли настоящего смысла термина, переведши его с первоначальным значением *ფე* ← *ბე* *дитя, сын* — «дитя || сын луны». Лишь в последнее время для нас стало ясно, что составной термин находится в связи с разносоставностью сплава металла латуни (меди и латуни); что же касается самого наречения, для него прежде всего, если оно первобытно, мы должны искать тотемное происхождение, т. е. усмотреть в нем названия племен с тотемами-металлами, входящими в состав сплава. Вторая часть *ბე* → *ფე* это «ивер» или «ибер» и в тоже время «медь», первая часть, не переставая

быть светилом «луной», могла означать «мягкий металл» — «олово» (ср. диалектически г. ʒоʒ-о *мягкий, нежный*, св. ʒōʒ → ʒоʒ *молодой, нежный*, напр., дитя, яйцо, сыр и т. п.), что же касается этнического ее значения, то разъяснение его требует весьма сложных сопоставлений с привлечением фактов, выходящих за пределы интереса настоящего доклада. К тому же, пересмотр требует дополнительного собрания материалов, равно предварительного появления в свет подготовленных к печати выпусков моей работы по племенному составу населения Кавказа. Надо только упомянуть об одном: с этническим термином *sp̄r̄* (||*h̄ber*) находится в связи первая часть другого составного металлургического термина г. *sp̄r̄-en̄d̄* (||*h̄ r̄i-en̄d̄*), арм. *rağ-in̄d̄* или *pał-in̄d̄* (←**sp̄r̄-en̄d̄*) «медь + цинк (?) || олово» (см. Племенной состав народов Кавказа. К *самоопределению талышей*, Труды Комиссии по изуч. плем. сост. нас. России 5, стр. 8, где вопрос затрагивается также мимоходом, по материалам яфетических даных в нем больше, хотя и там не исчерпываются): у армян и грузин термин означает то «медь», в частности «красную медь», то «бронзу», но это собственно бронза, и термин — разновидность прототипа европейского слова *bronzo* и т. п. Следует, пожалуй, сейчас же еще оговориться, что яфетическое языкознание поддерживало бы и того, кто связал бы медь, да и бронзу с иберами, как бывшими на Кипре, был ли этот остров их стоянкой на пути движения прямо морем или в обход сухим путем через Африку. В этом смысле весьма возможно, что такие европейские названия меди, как *Kupfer*, *cuivre* связаны с названием Кипра, но дело здесь не в самом острове, а в воспринятом им племенном названии народа, отнюдь не пригвожденного к Кипру. Потому *S. Reinach* также ошибается, возводя «*le cuivre*» к Кипру, как когда европейский термин яфетического происхождения «бронза» он производит, как многие другие, от названия города *Brundisium* (*Le Mirage d'Orient*, в *L'Anthropologie*, т. IV, 1893, стр. 567). Для яфетидолога такой прием по существу не многим отличается от того, как если бы *argentum* вздумали производить от Аргентины. Западно-европейские ученые иберов склонны порой считать то «неолитической средиземноморской расой» (*H. G. Wells, The Outline of History*, стр. 91, см. также ниже у нас), то объединяют их с басками, кавказцами, дравидами, шумерами и монголами в одну группу, в которой готовы видеть «носителницу эллинистической культуры» (*H. G. Wells, ц. с., стр. 91, см. выше, стр. 49*).

К 36 стр. 16) Как ни древне выселение бурешков с Кавказа или разлучение их с кавказскими яфетидами, это племя из лексического состава своей речи получает свидетельство в том, что оно выселенец той эпохи, когда индо-европейцы были уже на Кавказе, и индоевропейские элементы успели уже преобразиться в формы и виды, адаптированные к языковым психологическим потребностям местной яфетической среды: в памирском яфетическом языке, бурешском или вершикском, наблюдаются индоевропейские слова армянского облика. Казалось бы, и на самом Кавказе сваны, один из народов, стоящих половиной своей природы, для него основной, в ближайшем родстве с басками, древними мошохами или, как произносили ассирийцы, мушками, из тех же пределов Армении двинулись, захватив с собою в живой речи, в весьма отдаленные времена, индоевропейские элементы армянского языка, как то разъясняется в специальной работе моей *К дате миграции мошохов (мошохов) из Армении в Сванию* (ИРАН 1916, стр. 1689—1692). Равно в самом архаичном местном литературном языке халдском клинообразном мною улавливались некоторые, казалось бы, индоевропейские лексические элементы, как то разъясняется в работе об откопанной *И. А. Орбели* на Ванской скале надписи Сардура II-го. Однако в числе этих слов имеется термин *ir* (|| *er* ← *her*) *отец, мужчина, самец*, равно *войско*, откуда и г. *er-1 народ, войско*, он же эквивалент казалось др.-л. армянского *аут* (← *hağ-1*) *мужчина, муж* и т. п., а с ним неразрывно связано не только абх. *аг войско* и т. п., а также в составе сложных слов «самец», но и, как теперь стало известно, баское слово *аг* со значением «самец» (*mâle*), и мы теперь не решились бы на свидетельстве одного, другого слова, да еще с не-доосвещенной историей строить столь ответственное заключение, как нахождение индо-европейцев уже на Кавказе, более того — преобразование индоевропейских слов в армянские формы тогда еще, когда баски находились на кавказской прародине. У меня, наоборот, возникает сомнение, не имеем ли в термине чисто яфетическое слово, случайно встречное по созвучию с индоевропейским эквивалентом, потому именно отлившимся впоследствии в эту разновидность в армянской лингвистической среде. Приходится не спешить пока ни с тем, ни с другим выводом.

К 37 стр. 17) Касательно басков однако надо хранить долю сомнения в связи с раз'яснением, данным в примечании 16-м.

К 39 стр. 18) Для нашего подхода от языка не столько интересен факт распространения, на основании памятников материальной культуры, «неолитической Средиземноморской расы, иберийской расы», факт ее «распределения по Великой Британии и Ирландии» (Wells, ц. с., стр. 91), сколько — языковые наблюдения Rhys'a, принимаемые благоприятно W i l k e (см. выше, прим. 12,) отнюдь не яфетидологом, более того — даже не поборником значения Востока в Средиземноморской культуре.

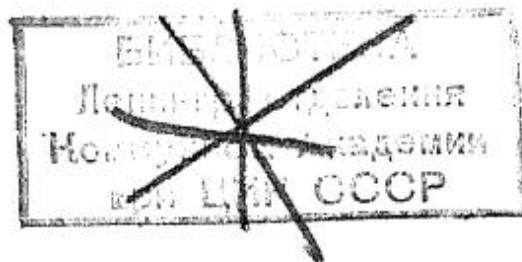
К 41 стр. 19) Правда, вопрос о вкладчиках железа в европейскую среду как будто решается в пользу кельтов, но далеко не по единодушному мнению археологов, да и, что главное, не в полном согласии с фактами. Пересмотр вопроса с точки зрения яфетидологии неизбежен. Железо столь древнее на Востоке стяжание яфетического мира, куда тяготеет терминология семитического изложения библейских сказаний, что трудно себе представить, после его изобретения, движение яфетидов на Запад, в простом ли виде или скрещенном, без несения с собою железных дел мастерства. Во всяком случае нет надобности в об'яснении появления железа на Западе, если оно идет с Востока, прибегать к посредничеству семитов, хотя бы финикиян. С пуническим вкладом в дело развития железного мастерства в Европе тем более следовало бы быть осторожным, что сами факты материальной культуры в него примешивают этрусков.

К 41 стр. 20) Материально выступающее соучастие иберов в каждом из проявлений металлургической культуры на Западе, при яфетидологическом освещении вопроса о происхождении их языка, требует сугубой осторожности в обращении с вопросом об изначальности в Европе того или иного типа культуры, связанного с металлами. Такая особая чуткость тем более пужна, что история материальной культуры, независимо от яфетического языкознания, также вскрывает теснейшее родство иберов с шумерами (сумерами) или шумирами. И едва ли было целесообразно, с точки зрения об'ективных интересов науки, учитывать это в пользу северного населения Европы, германского, на том основании, что раз антропологические типы шумиров разлучают их с монголами и семитами, то в них, следовательно, можем иметь этнический элемент лишь индоевропейского происхождения.

К 42 стр. 21) Кроме неговистической и элохимистической частей, вскрытых в тексте Библии, бесспорно сильно переделанном, этнологический подход отмечает в нем и древние фольклорные элементы от эпохи, предшествовавшей возникновению представления о Боге личном или человекообразном.

К 44 стр. 22) Искать опоры в существующей довольно богатой количественно литературе по вопросу значит обречь себя на бесплодный Сизифов труд. Здесь мы находим, крайнее ли это увлечение Кавказом, или, наоборот, полное к нему пренебрежение, отношение к делу, одинаково исходящее из чего хотите, но не из знания фактического положения археологических данных на Кавказе в их целокупности или в исчерпывающей до глубин полноте источников по отдельному кругу памятников исторической материальной культуры. Исчезает различие между S. Reinach'ом и de Morgan'ом, одинаково становящимися жертвой владеющих ими мыслей, торжество которых покупается ценой нарушения основных методологических приемов. S. Reinach категорически утверждает: «Ничто из древностей Кавказа не дает впечатления, чтобы эта страна была отправным пунктом движения на Запад» (*Le mirage d'Orient*, стр. 562) . . . «Ничто из древностей Кавказа» (rien, dans les antiquités du Caucase...)! Да разве S. Reinach исчерпывающе опросил все виды древностей Кавказа? Да и вооружен ли он или кто другой для любопытного опроса, чтобы с такой решительностью что либо отрицать или утверждать в отношении «древностей Кавказа»? Ведь сам он признает, что в этой области знания, так блестяще им разрабатывавшейся, без лингвистической палеонтологии нельзя решать ничего. Или Reinach не только не подозревает значения языковых древностей на Кавказе, но и не допускает мысли об их существовании? Да и в вещественных памятниках исторической материальной культуры разве на наличную степень археологической обследованности (не говорю уже изученности) Кавказа можно вваливать бремя разрешения такого мирового исторического вопроса, как проблема об источнике возникновения металлургической культуры в Европе? Самое искание этого источника и, допустим, нахождение его на Кавказе разве решало бы отрицательно возможность дальнейшего выслеживания

первоисточника в другом, а еще более раннего источника в третьем месте? Когда работы во всех категориях древностей, не исключая и мифологических сказаний древних, нас приводят к Кавказу, вопрос о последнем должен быть доработан до конца исчерпывающим опросом самих кавказских древностей не с точки зрения отвлеченно-теоретического интереса к пра-источнику, а по необходимости археологического обследования Кавказа, неразлучного ни с Передней Азией, ни с югом России, как ближайшего этапа, неизбежного средоточия, во взаимодействиях Запада с Востоком, откуда бы и куда бы, смотря по эпохе, то или иное движение ни направлялось. Не считаться с таким завещанным от первоисточников преданием, не раз'яснив его, только потому, что естественникам не удастся пока отыскать место залежей олова, впервые эксплуатируемых человечеством, это безусловно преувеличивать значение натуралистов в области археологической науки. Вопрос совсем не в том, что, как узнаем из ясно выраженной мысли Reinach'a, французский археолог просит людей доброй совести повременить своими научными исканиями до «дня, когда тот или иной компетентный путешественник представит какой либо Академии надежное доказательство древней эксплуатации олова в центральной Азии, и утверждаемое им естественно будет видоизменено», а «до тех пор иметь смелость принять его мнение». В области истории материальной культуры изыскания никогда не могут базироваться на раз'яснении одного частичного вопроса, хотя бы столь важного как вопрос о древнейшем известном месторождении олова: ни один добросовестный ученый не может и не должен прерывать очередной в пределах его компетенции работы, диктуемой имеющимися в его распоряжении знаниями. Отступать от такой необходимой исследовательской задачи в частности по Кавказу, конечно, нельзя потому, что на пути к ней мы встретим столб с надписью: «Mais rien, dans les antiquités du Caucase, ne donne l'impression que cette contrée ait été le point de départ d'un mouvement vers l'ouest.» Эта надпись сама по себе интересна ныне лишь как этап, уже пройденный, на пути исследовательской работы по общей истории материальной культуры. Сам автор этой надписи не вполне был, надо думать, уверен в магической ее силе, когда для поддержания владычествующей им мысли обращался к содействию осетинского языка, как определяющего не-азиатский характер кавказских древностей (*Le mirage oriental*, стр. 562): «Tout cela se conçoit d'autant mieux que les Ossètes appartiennent encore aujourd'hui, par leur langue, à la famille aryenne, qui n'est pas d'origine asiatique.» Совершенно забыт им же преподаанный урок по кельтскому вопросу, что язык кельтов, индоевропейский, отнюдь не говорит ничего о происхождении их культуры, их мифологии. Но Reinach идет еще дальше в самораскрытии, отождествляя Осетию с Кавказом: для него, можно подумывать, существует лишь осетинский Кавказ (ц. с., стр. 562): «ni la Babylonie touranienne ou sémitique, ni le Caucase ossète n'ont pu être la patrie de la métallurgie du bronze eugoréen» . . . Чем при таком восприятии Кавказа S. Reinach отличается в отношении метода от de Morgan'a, для которого Кавказ существует армянский, индоевропейский армянский (см. Н. Марр, *К самоопределению тальшей*). Основной же дефект общего характера в подходе научно более осмотрительного S. Reinach'a в том, что и в протоисторические эпохи мировой культуры между Средиземноморским и Переднеазиатским, в частности Малоазийским и Кавказо-Южнорусским районами он видит такое же противоположение Востока и Запада, как в античную пору и позднее.

ТИПОГРАФИЯ ШПАМЕРА В ЛЕЙПЦИГЕ

Материалы по яфетическому языкознанию

(Серия, издаваемая Российской Академиею Наук).

Вышли в свет семь книг.

В наборе имеются в типографии в Петрограде, и некоторые из них могут быть выпущены в свет:

Н. Я. Марр, Сванско-русский словарь (начало-образчик), А. Г. Шанидзе, Указатель этимологий, данных Н. Марром, А. Г. Шанидзе о префиксах 2-го лица в грузинском спряжении, Н. Я. Марр, Абхазско-русский словарь и др.

Готовы для печати в ближайшую очередь:

Н. Марр, Яфетическое происхождение термина „ские“.
— Русское слово „сало“ в древнеармянском описании хазарского шара VII века и др.

1913